
Лина Деева
ПОДМЕННАЯ НЕВЕСТА ГРАФА МЕЛИХОВА
СУДАРЫНЯ БАРЫНЯ

Лина Деева

Подменная невеста графа Мелихова

«Литнет»
2025

Деева Л.

Подменная невеста графа Мелихова / Л. Деева — «Литнет», 2025

Умерла на свою голову! Мало того, что попала в прошлое, так ещё меня заставляют подменить невесту на церемонии венчания! Настоящая-то сбежала с гусаром в ночь перед свадьбой.Конечно, обман раскрывается прямо в церкви. Однако графу отчего-то так нужна жена, что он готов жениться буквально на первой встречной. А для меня это шанс вырваться от злобной барыни и получить "стартовый капитал" для новой жизни.Я соглашаюсь на фиктивный брак. Но вот на большее графу точно не стоит рассчитывать!Вас ждут:добрая и смелая героиняблагородный геройхаризматичная славянская нечистьнескучные аллюзии к классикеБЕСТСЕЛЛЕР ЛИТНЕТНе забудьте добавить книгу в библиотеку! Так вы точно её не потеряете⭐Ваши звёзды «Мне нравится» — лучший допинг для автора Книга участвует в литмобе «Сударыня-барыня»

© Деева Л., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 22
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 29
Глава 12 31
Глава 13 34
Глава 14 37
Глава 15 40
Глава 16 43
Глава 17 47
Глава 18 51
Глава 19 54
Глава 20 57
Глава 21 60
Глава 22 63
Глава 23 66
Глава 24 70
Глава 25 73
Глава 26 76
Глава 27 79
Глава 28 82
Глава 29 85
Глава 30 88
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Глава 1

— Поднимите фату.

Священник, напевно и ни черта не понятно произносивший наставления венчающимся, как раз сделал кратчайшую паузу, чтобы набрать в грудь воздуха. И в этой паузе жёсткий приказ (приказ, а не просьба!) жениха прозвучал словно выстрел.

Тем не менее я сделала вид, будто не поняла, что это ко мне, хотя в душе затосковала.

Идиотская была затея, пусть и не моя. Надо было брать пример с «Лизки-вертихвостки», как неласково обозвала Кабаниха родную дочь, и свалить в закат. Пускай бы и через окно — прислужники, следуя наказу барыни, надёжно охраняли дверь в комнату невесты.

— Ибо жить богоугодно значит… — Священник тоже решил игнорировать не к месту подавшего голос жениха, однако был уже совсем невежливо прерван.

— Подождите. Елизавета Алексеевна, поднимите фату.

«Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу», — мрачно подумала я и без желания повиновалась.

Двумя руками откинула лёгкий газ и исподлобья посмотрела на графа Георгия Мелихова, жениха дворяночки Лизы Кабанской, благополучно сбежавшей в ночь перед свадьбой с удалым гусаром Дороховым.

А граф… Нет, в первую секунду он растерялся, пусть и подозревал подмену. Однако буквально тут же черты его обрели гранитную жёсткость, а тон, каким был задан следующий вопрос, пробрал до костей зимней стужей.

— Вы не Елизавета Кабанская. Кто вы такая и где моя невеста?

***

(Двенадцать часов назад)

— Что там, живая?

— Да вродь живая, барыня.

Голоса накатывали океанским прибоем: то громче, то тише.

— Так, ну-ка пусти.

Ватное безмыслие рассекла хлёсткая пощёчина. Голова мотнулась в сторону, и не лежи я, вполне могла бы оказаться со свёрнутой шеей.

«Вы что творите?!»

Я хотела возмутиться вслух, но получилось лишь невнятное мычание. Веки никак не желали открываться, и на вторую щёку обрушилась ещё одна пощёчина.

— Катька, дрянь! А ну, очнись!

«После правой щеки подставь левую… — Я кое-как разлепила глаза и попыталась сфокусироваться на бледном пятне надо мной. — Кто эта неадекватка на мою голову?»

К несчастью, сил хотя бы просто поднять руку, защищаясь, у меня не было. Поэтому я схлопотала третий удар, сопровождавшийся злым:

— Я тебя живо в чувство приведу, бесстыдница! Топиться вздумала? Я тебе утоплюсь! У Лизоньки свадьба завтра, а она ишь! Подлость какую задумала!

«Свадьба? Лизонька? Женщина, вы что несёте?!»

Зрение наконец обрело чёткость, и я разглядела склонившуюся надо мной тётку. Обрюзгшее лицо, крючковатый нос, маленький злой рот, на голове — чепец с оборками. И вот этот-то чепец (а ещё тусклое, совсем не электрическое освещение) зацепили моё затуманенное сознание странностью.

Между тем тётка вновь занесла руку, и я заплетающимся языком выдала:

— Не смейте!

И даже сама попыталась пошевелиться, однако тело слушалось просто отвратительно.

«Как после наркоза, — всплыло воспоминание, и меня немедленно затошнило. — Ох, только не это!»

Однако мерзкий ком подкатил к горлу, и я, сама не знаю каким усилием перевернувшись на бок, выплеснула содержимое желудка прямо на подол белой хламиды, в которую тётка была одета.

— Ах ты!.. — задохнулась она от возмущения и брезгливости, а я невольно почувствовала себя отмщённой за пощёчины.

— Дрянная девчонка! — Тётке явно не хватало слов. — Ох, если бы не обещание покойному мужу, да будет земля ему пухом! Ох, я бы тебя!..

Она взмахнула кулаками над моей головой, и это наверняка закончилось плохо, если бы дверь вдруг с шумом не распахнулась и испуганный женский голос не выпалил:

— Барыня, беда! Барышня Лизавета пропали!

Глава 2

— Как пропала? — Цвет тёткиного лица сравнялся по белизне с её чепцом и хламидой. — Куда пропала? Лизонька!

Она метнулась в сторону, исчезнув из моего поля зрения, однако почти тут же я услышала резкое:

— А Катьку запереть! И с её двери глаз не спускать! Случится что — в солдаты забрею и не посмотрю на законы новомодные!

Глухой топот возвестил, что на этом тётка заспешила прочь, а чей-то негромкий мужской голос рядом произнёс:

— И ведь забреет же, к бабке не ходи.

Я с трудом повернула голову и встретилась взглядом с бородатым мужичком, одетым, как крестьяне на картинках в учебнике истории.

— Вы уж не серчайте, барышня, — немного виновато сказал он. — Только грех это большой — с собой кончать. Так что я вас вытащил, из пруда-то.

Из пруда. В памяти всплыла голубая обложка старой тоненькой книги: «Бедная Лиза», Карамзин. К чему? К упомянутой «Лизоньке» и пруду?

— Вы отдыхайте, — между тем посоветовал мужичок. — Я, как велено, дверь-то запру. Но ежели захотите чего, стукните. Принесу вмиг.

— Хорошо. — Слово вновь далось с усилием. — Благодарю.

Мужичок кивнул и тоже исчез «с глаз долой». До меня донёсся тихий звук закрывшейся двери, щелчок замка, и лишь после этого я зашевелилась.

Надо было хотя бы сесть и осмотреться. Понять, куда я попала и что здесь происходит. Кто эта чокнутая тётка, которая запросто отхлестала меня по щекам и почему она грозилась отправить мужичка в армию. Почему мужичок так странно одет, почему (я кое-как приподнялась на локте) из освещения здесь — всего лишь стоящий на подоконнике огарок свечи.

А главное, почему все называют меня Катей, хотя по паспорту я ни в одном месте не Екатерина.

Принять сидячее положение оказалось непросто: все мышцы словно ватой заменили. А когда я наконец сумела тяжело привалиться спиной к холодной стене, опять накатил приступ дурноты, а вдобавок к нему — головокружение.

— Такое чувство, что у меня похмелье, — пробормотала я.

И в памяти как щёлкнуло: день рождения Татки, искрящееся просекко в бокале, радостные крики «Поздравляем!», музыка, снующие между гостями официанты. Татке исполнилось сорок, и она захотела отметить это с размахом.

— Говорила же: не принято так, — проворчала я, зажмурившись и глотая ртом воздух, чтобы загнать тошноту обратно. — Не отмечают сорокет.

«Ой, Рин, да ладно тебе! Как бабка старая!» — прозвучало в памяти недовольное Таткино восклицание.

— Приметам верить надо, — возразила я. — Вон, Пушкин зайцу поверил и на Сенатскую площадь не попал.

Тут до меня дошло, что я не просто разговариваю с воображаемым собеседником, так ещё и на совершенно идиотскую тему. Потому я поспешила заткнуться и, по-прежнему не открывая глаз, продолжила разматывать ниточку воспоминаний.

Самое обидное, что просекко я не пила: за рулём-с. Вместо этого налегала на свежевыжатые соки и банальную минералку и после праздника вела свой «жук» более чем уверено.

Спокойно ехала себе в средней полосе, выбралась на мост, и тут меня решили подрезать двое гоняющихся придурков.

Они промчались мимо, ослепив фарами в зеркала. Я дёрнула рулём — не надо, ах, не надо было этого делать! Потому что стояла осень, мост оледенел, а резину я сменить до сих пор не удосужилась.

Машина потеряла управление. Врезалась в заграждение моста, пробила его и полетела вниз.

Удар в лицо подушкой безопасности.

Последняя мысль: «Сейчас умру?»

Ещё один, совершенно чудовищный удар.

И темнота.

Я поняла, что сижу, прижав колени к груди и выбивая зубами отчаянный ритм.

После такого не выживают, значит… Я умерла?

— Но тогда что это за место?

Я заставила себя открыть глаза и обвела комнату мутным взглядом. В тусклом свете одинокой свечи она выглядела откровенно спартанской. Узкая кровать, платяной шкаф, столик с кувшином и тазиком в углу, стул у окна, на окне — свеча. Ни стола, ни полки, ни украшения на стене или ещё какого половичка.

Неужели так выглядит чистилище?

У меня вырвался истеричный смешок, и я поспешила зажать рот ладонью. Нет-нет, в истерику впадать никак нельзя. Потому я принялась осматривать себя: и чтобы отвлечься, и в надежде получить больше информации.

На день рождения я поехала в маленьком чёрном платье, поверх которого надела короткое пальто классического кроя. Сейчас на мне тоже было платье: насквозь мокрое (ну, это хотя бы было логично), но ни в одном месте не маленькое и не чёрное. Цвет у него был какой-то из пастельных, юбка пышная, длина — явно до пола, а в бок (я наконец-то осознала, что ощущаю неудобство) впивался край съехавшего корсета.

— Это что ещё за реконструктроские игры?

Я захотела взъерошить волосы — обычное дело с моей короткой стрижкой, — и пальцы наткнулись на пусть мокрую и растрёпанную, но причёску. Однако наибольший шок меня ждал, когда на грудь упал длинный светлый локон — это при моей-то брюнетистой масти!

— Парик?

Я с силой дёрнула себя за волосы, и из глаз чуть слёзы не хлынули.

— Зеркало. — Меня затрясло с удвоенной силой. — Срочно нужно зеркало!

Подгоняемая этой мыслью, я сползла с кровати и по стеночке добралась до шкафа. Распахнула его: ещё два старинных платья и какие-то вещи на полках, но никакого зеркала.

— Где же взять?..

Взгляд метнулся по комнате, и меня осенило. Гораздо резвее я доковыляла до столика в углу, трясущимися руками налила в тазик воды и склонилась над ним.

И увидела лишь тёмный силуэт — слишком мало света давал огарок. Скрипнув зубами, взяла с подоконника свечу, поднесла к самому лицу, грозя поджечь волосы, вновь наклонилась над тазиком…

Огарок выпал у меня из рук — к счастью, в воду. И в наступившей темноте я точно так же осела на холодный пол, пытаясь осознать увиденное.

Лицо, которое отразила спокойная гладь воды, принадлежало не мне.

Глава 3

«Всё-таки я умерла».

Или сплю, и всё это, включая день рождения, сон?

Я свирепо ущипнула себя за ляжку и чуть не взвыла от самой настоящей боли.

Не сон. Значит, смерть? Но почему у меня другая внешность? Неужели все эти истории о перерождениях — правда?

Тогда кто я теперь? И что со мной… с ней случилось?

«Только грех это большой — с собой кончать. Так что я вас вытащил, из пруда-то».

Голос мужичка прозвучал, словно тот стоял рядом со мной. И как плотину прорвало.

«Катюнечка, милая Катюнечка! Ты должна, ты обязана мне помочь! Маменька и слышать ничего не хочет — вцепилась в этого Мелихова, как клещами! Ну и что, что он граф? Я не люблю его — видано ли дело: полюбить того, с кем только на свадьбе выйдет познакомиться! И вообще, сердце моё давно занято: ты ведь знаешь, Арсений… О, он наконец-то признался мне! Думаешь, отчего у меня тени на лице, от слёз? О нет, это всё от бессонной ночи, ведь сегодня мы до утра толковали… Ах, ты же не знаешь: он вызвал меня запиской в сад, а сам перелез через ограду. О, это так романтично! Я почувствовала себя Джульеттой… Впрочем, ну её, она плохо кончила! Так вот, милый дружок мой Катюнечка, мы говорили до самого рассвета, да и на рассвете едва смогли расстаться. Арсений умолял меня бежать, говорил, что сумеет найти священника, который обвенчает нас. И, Катюнечка, я… я согласилась! Мы бежим ночью, и я прошу, умоляю: отвлеки маменьку! Придумай что-нибудь, не давай ей или прислужницам входить ко мне в комнату! Каждая минуточка будет для нас бесценна! Так что, дружок мой Катюнечка, ты согласна? Ты спасёшь меня, доброе, благородное сердечко?..»

Так вот куда делась Лиза! Перед моим внутренним взором как наяву стояла симпатичная блондинка в нежно-розовом платье. Она немного театрально ломала руки, хлопала длинными ресницами и надувала пухлые губки. Взгляд её был невинно-голубым, как всегда, когда она хотела чего-то добиться от Кати Смольяновой — бедной родственницы, приживалки в доме барыни Кабанской.

И неважно, было это «что-то» конфетой, которую Катя берегла «на особый случай» (Лиза, разумеется, свою давно съела), или необходимостью прикрыть побег с гусаром Арсением Дороховым.

Последнее имя отдалось такой болью в сердце, что я испугалась: неужели приступ? А затем меня захлестнуло новым монологом-воспоминанием.

«Катенька, чудесная, нежная Катенька! Как нелегко вам здесь! Как, должно быть, претит вашей тонкой натуре грубость Марфы Ивановны! Конечно, она сделала благое дело: приютила вас, создала условия, чтобы вы, дивный цветок, росли и распускались… Но будем честны: плата за это тоже велика. Вы несвободны, вы живёте, как в клетке, и ладно бы золотой! Я понимаю вас, друг мой. Я всем сердцем, всей душой болею за вас. И клянусь: дайте немного времени, и я вырву вас из неволи. Мой дядюшка дышит на ладан, а я — единственный

наследник. И как только обрету достаточную независимость, тут же! Тут же примчусь к вашей опекунше и попрошу… Нет, потребую! вашей руки!..»

Я отчётливо видела его: бравого гусара со смоляными кудрями, волнующим тёмным взглядом и залихватски подкрученными усиками. Он стоял на одном колене и, не обращая внимания на жалкий лепет «Ах, встаньте, увидит кто!», развешивал по ушам слушательницы лапшу, длину которой можно было смело заносить в книгу рекордов Гиннеса.

«Ухлёстывал одновременно за двумя барышнями, — думала я, стараясь циничными размышлениями загнать обратно вновь подкатившую дурноту. — Лиза — наследница, с ней, ясное дело, дальше, чем подержаться за ручку, заходить остерёгся. Зато Катя — приживалка у богатой родни, которую оная родня и так шпыняет по поводу и без. С ней можно было поиграть по полной программе».

Из закромов чужой памяти вынырнула сцена первого Катиного раза: не столько жаркая, сколько болезненная и стыдная. Ведь подобно большинству барышень, Катя имела более чем смутное представление о физиологической стороне отношений мужчины и женщины.

«Вот же мразь! — Мне приходилось энергично дышать ртом, чтобы не стошнило. — Поматросил и умчался в закат с другой. Спасибо, хоть без беременности… Или с?»

Мне стало не по себе: может, не просто так меня мутит со страшной силой? И то обстоятельство, что Катя решилась на настолько отчаянный поступок…

Увы, никаких подсказок на этот счёт я не получила. Зато вдруг отчётливо услышала шаги в коридоре и поспешно поднялась на ноги. Ухватилась за край столика, чтобы не упасть, и тут дверь распахнулась.

На пороге, освещённая свечой в высоком подсвечнике, стояла Марфа Ивановна Кабанская (как я теперь помнила). Не сильно знатная, но вполне обеспеченная барыня, вдова с единственной дочерью и на редкость тяжёлый и недобрый человек.

— Что это ты впотьмах? — с подозрением осведомилась Кабаниха (а как ещё её можно было окрестить?).

— Свеча погасла, — отрывисто ответила я, отчаянно соображая, как себя с ней вести.

— Ну-ну, — протянула барыня недоверчиво.

Вошла, закрыла дверь и, поставив свою свечу на подоконник, водрузилась на единственный стул, будто на трон. Окинула меня взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, и приказала:

— Рассказывай!

Глава 4

— О чём, Марфа Ивановна?

Кабаниха сурово нахмурилась.

— Ты святую невинность-то из себя не строй! Чай, знала, что Лизка задумала?

Ага, уже не Лизонька. Забавно.

— Лиза что-то задумала?

Собеседница раздражённо притопнула ногой.

— Ох, не доводи до греха! В жизни не поверю, что она тебе не сказала!

— Простите, Марфа Ивановна. — Я смотрела на Кабаниху честнейшими глазами. — Только я правда не понимаю, о чём вы хотите услышать.

Секунды три мы с барыней не мигая смотрели друг на друга: ну чисто завуч и не желающая ни в чём сознаваться школьница.

— Хм, — наконец прервала паузу Кабаниха. — Так ты и в самом деле не понимаешь?

Ещё немного помолчала (я потратила это время на внутреннее торжество) и без желания сообщила:

— Лизка сбежала из дома.

Я со всем возможным изумлением захлопала ресницами.

— Скорее всего, с этим Дороховым. — Кабаниха брезгливо скривилась. — Уж сколько я ей внушала: пустобрёх он и бабник. Да разве ж вы, молодёжь, старших слушаете?

Вопрос был риторическим, потому я не стала вставлять какую-нибудь реплику.

— Я послала людей на поиски, — продолжила Кабаниха. — Даст Бог, до утра разыщут, но ежели нет… Ежели Лизку не вернут, венчаться с графом Мелиховым отправишься ты.

Что?!

От подобного заявления я просто все слова растеряла, даже нецензурные (и хорошо, а то у Кабанихи бы когнитивный диссонанс случился). А собеседница жёстко продолжила:

— Это же позор, от какого вовек не отмыться. Нас даже соседи признавать перестанут! Я уж молчу, что Дорохов гол как сокол, а мне такого зятя не надобно. Особливо, если с графом сравнить. Дворянин, старинного рода, герой войны, богач. Лучше партии для Лизки не сыскать

было! А она, дура… — Кабанихе явно было чем продолжить, однако она сдержалась и сразу перешла к выводу: — Потому нельзя графа упускать. Второго случая не представится.

Я прочистила горло. Так, пора соскакивать с этой истории.

— Но Марфа Ивановна… Меня ведь узнают, поймут, что я не Лиза. На венчании.

— Покуда в фате будешь, никто тебя не узнает, — отмахнулась Кабаниха. — Ростом и фигурой вы с Лизкой схожи, волосы убором закроем, лицо набелим да насурьмим — не по моде, ну да и ладно. С Божьей помощью продержимся, пока Лизку не воротят.

— Но… — Это был полный бред, совершенно идиотская афера, которая просто не могла закончиться успехом!

Барыня поднялась со стула и вперила в меня тяжёлый взгляд.

— Смотри, Катька. Не будешь стараться, навлечёшь позор на нашу семью — со свету сживу. Уж ты меня знаешь.

Выдав эту угрозу, Кабаниха взяла подсвечник и слоновьей поступью вышла из комнаты. Щёлкнул замок, и я осталась одна.

В темноте и полнейшем шоке.

***

«Надо валить».

Да, но как? Куда? Где я вообще? Сплю? В коме? Умерла?

Ладно, пусть всё вокруг реально, но что это за место? Очень похоже на девятнадцатый век и Российскую империю, однако точно сказать пока ничего нельзя.

«Хорошо хотя бы, что все на русском говорят».

Да, языковой барьер мне вроде бы не грозил, однако ситуацию это упрощало самую малость. Потому как я понятия не имела, что и кого встречу, даже просто выйдя из этой комнаты. Как тут сбежишь?

«И денег нет. И понимания, как здесь всё устроено. И вообще, я до сих пор стою в темноте у умывального столика в мокром платье. Так и заболеть, кстати, недолго».

Последняя мысль была не просто здравой — она озвучивала проблему, которую я могла решить прямо сейчас. Вот только…

«Свет. Мне нужен свет».

Увы, огарок благополучно покоился в тазике с водой, да и спичек, чтобы его зажечь, у меня не было. Значит, приходилось либо действовать на ощупь, либо попросить ещё свечу. Например, у мужичка, которого оставили стеречь Катю.

«Попробую».

Я подошла к двери (очень удобно, что мебели был самый минимум — не налетела ни на что) и, собравшись с духом, постучала.

«Блин, позвать же ещё надо, а я имени не знаю».

К счастью, мужичок всё понял и без зова. Скрежетнул замок, и я совой заморгала от света свечи, которую держал стоявший на пороге «охранитель».

— Звали, барышня?

— Д-да. — Как бы выяснить его имя? — У меня свечка погасла.

Мужичок понятливо кивнул и протянул свою:

— На-ка, держите. А я ещё за одной схожу.

— Спасибо, Демьян! — вырвалось у меня с чувством.

Тут же захотелось прикусить язык: что за имя я ляпнула? Однако судя по реакции мужичка (точнее, её отсутствию), у меня получилось угадать верно.

— Да не за что, барышня. Будет ещё что нужно — зовите.

Он закрыл дверь, и я, стараясь не обращать внимания на звук вновь запираемого замка, твёрдым шагом донесла свечку до окна и водрузила на подоконник.

Переодеться, забраться в постель и хорошенько всё обдумать. Этот план был более, чем выполним.

Глава 5

Я потратила добрых десять минут, чтобы разобраться с крючками и пуговицами платья. Зато не только сменила его на ночную сорочку, но и согрелась.

«Капля мёда в бочке дёгтя», — невесело переиначила я известное выражение и забралась в кровать. Жёсткостью матраса и тонкостью шерстяного одеяла она напомнила мне студенческие годы в общежитии, и я, здраво рассудив, встала, достала из шкафа длинный стёганый халат и надела его поверх сорочки. Повторно улеглась в постель, закуталась в одеяло и крепко задумалась.

Завтрашний день начнётся «весело». Если Лизу не найдут (а я была почти на сто процентов уверена, что так и будет), меня станут наряжать невестой. Затем повезут в церковь на венчание. Там всё, разумеется, откроется и…

И что дальше? Скандал? Кабаниха попытается соскочить, обвинит во всём меня, и фиг я что докажу.

Ладно, в тюрьму, надеюсь, за такое не сажают. Репутации, правда, трындец, но я сильно сомневалась, что для бедной приживалки Кати это был принципиальный момент.

В общем, завтра будет треш, его надо пережить и одновременно «смекать», как любила говорить бабушка. Помалкивать, хлопать ресницами и запоминать любую информацию, которую на меня могут вывалить.

А как только появится возможность, по-тихому исчезнуть отсюда на фиг.

«Я сейчас в комнате Кати, — размышляла я. — Значит, утром, при нормальном свете надо тщательно осмотреть её вещи. Может, найду какой-нибудь дневник. Может, деньги, документы. Может, письма. Нехорошо, конечно, копаться в чужих вещах, только вариантов-то у меня нет».

Конечно, ничего не мешало заняться всем этим сейчас — свечу я до сих пор не погасила. Но на меня вдруг накатила совершенно неподъёмная усталость, и если думать она не мешала, то шевелить хотя бы мускулом страсть как не хотелось.

«Эх, мне бы какую-нибудь газету раздобыть, — вздыхала я. — Чтобы хоть дату увидеть, хоть понять — это и вправду прошлое или просто место, очень похожее на девятнадцатый век».

Но читала ли Кабаниха газеты? Насколько вообще здесь была глубокая провинция — может, сюда и прессу не завозили?

«Она сказала, что Мелихов — герой войны. Какой? Крымской? А ещё какие-нибудь войны были в то время? Мда, то чувство, когда ты знаешь историю исключительно в рамках школьной программы».

С другой стороны, классиков же я читала? Тоже неплохое подспорье: вон, «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни, например. По крайней мере, считается ею.

«Блин, это же от меня захотят, чтобы я по-французски разговаривала? И танцевать всякие забубённые танцы умела, и на музыкальных инструментах играла. Причём на клавишных, а не три блатных аккорда на гитаре».

Хотя кто захочет? Кабаниха? Граф? Неизвестные люди, с которыми мне предстоит столкнуться в дальнейшем?

Много ли вообще должна уметь приживалка своевольной барыни?

«В общем, план тот же. Не болтать, строить из себя дурочку и держать в уме цель: свалить отсюда как можно скорее. Пусть Кабаниха сама разгребает историю с побегом дочки».

Я широко зевнула и повернулась на другой бок.

А если честно, самый крутой вариант будет: проснуться завтра дома, или у Татки, или даже в больнице. В родном и привычном мире, где никакой левой тётке не придёт в голову надавать мне пощёчин, а затем приказать играть роль невесты.

«Вот бы так получилось!» — с тоской вздохнула я. Подумала, что хорошо бы задуть свечу, но лишь укрылась одеялом с головой, закрыла глаза и почти сразу провалилась в темноту сна без сновидений.

***

Увы и ах, утром я проснулась всё в той же аскетично обставленной комнате. Причём разбудил меня холод: несмотря на халат и одеяло, я порядком продрогла.

«И ведь это ещё не зима», — вздохнула я и тут же села от пришедшей в голову мысли.

Точно не зима? И вообще, светает же. Можно разглядеть, что творится снаружи.

Подбадриваемая любопытством, я накинула одеяло как плащ, сунула ноги в стоявшие у кровати домашние туфли и подошла к окну. Оставленная на ночь свеча превратилась в застывший комок воска, и в сердце толкнулось не моё предчувствие: Кабаниха браниться будет. Мол, не берегу чужое добро.

«Мелочная тётка», — припечатала я и выглянула на улицу через не самое прозрачное оконное стекло.

Нет, меня не ждали «поутру побелевший двор, куртины, кровли и забор». Точнее, ждали, но во вполне осеннем антураже. Причём осень, судя по зелёной листве деревьев, которую едва-едва оттеняли жёлтые мазки, была ранней. А так я увидела пока ещё пустынный двор, тёмные хозяйственные постройки, высокую изгородь, а за ней — луга и нивы, зелень и сжатое золото. Над ними ещё держалась кисея лёгкой дымки — солнце только-только готовилось показаться над горизонтом. Поддавшись порыву, я распахнула окно, и в комнату ворвался чистый прохладный воздух, пахнувший влагой, травой и дымом.

«В кухне затопили», — мелькнула мысль, не знаю, моя или нет.

Где-то во дворе заливисто пропел петух. Стукнула дверь — имение просыпалось, и я поспешила отпрянуть от окна.

Времени не так много, надо заняться осмотром вещей.

Я подошла к шкафу, распахнула его и только окинула содержимое хозяйским оком, как чуть не подпрыгнула от раздавшегося стука в дверь.

Глава 6

«Кто там?»

Нет, стоп, не то. Я быстро закрыла шкаф, как будто в стоянии перед ним было что-то подозрительное, и громко разрешила:

— Входите!

Впрочем, я же заперта. Толку от моего разрешения?

Тем не менее ключ в замке повернулся только после него. Дверь отворилась, и через порог шагнула женщина с накрытым салфеткой подносом в руках. Одета она была в простое, я бы сказала, крестьянское платье коричневого цвета; волосы её покрывал цветастый платок. Роста незнакомка была среднего, телосложения тоже, на вид — лет сорока.

Тут я вспомнила ходившие по интернету картинки, где под изображением старухи был написан возраст сорок, и решила, что женщина вполне могла бы и моложе.

— Доброго утречка, барышня, — заговорила она приятным грудным голосом. — Хорошо, что вы проснулися — будить не пришлось. Вот, я вам покушать принесла, покуда времечко есть.

— Доброго утра, — отозвалась я, страшно жалея, что не могу назвать её по имени. Похоже, мне встретился ещё один человек, хорошо относившийся к Кате, и этим нельзя было пренебрегать. — Спасибо большое.

— Да не за что, барышня! — Незнакомка уверенно прошла в комнату и поставила поднос на подоконник.

Комнату незамедлительно захватил аппетитный аромат выпечки, несмотря на до сих пор открытое окно и залетавший в него утренний ветерок.

— Вы как чувствуете-то себя? — Устремлённый на меня взгляд не спешившей уходить женщины был полон сочувствия.

— В целом не жалуюсь, — честно ответила я, и собеседница вздохнула.

— Всегда-то вы не жалуетесь барышня. Ладно, кушайте. Да смотрите поднос запрячьте, ежели придёт кто. А то Марфа Иванна опять браниться станет.

Опять? Кабаниха что, приживалку голодом морила? Вот же мерзкая тётка!

— Спрячу, — пообещала я и снова выпалила фразу, которую не успела обдумать: — Ступай, Ефросиньюшка, пока тебя не застал кто.

— Демьян предупредит, — отмахнулась Ефросинья.

Я улыбнулась ей и вдруг сообразила, о чём надо было непременно спросить.

— Скажи, Лизу не нашли?

— Барышню Лизавету? — переспросила прислужница (я наконец вспомнила верное слово) с искренним удивлением. — Она разве ж пропала куда?

Однако новости. Это что же, Кабаниха не сказала… Хотя нет, всё логично. Чем меньше народа знает о побеге, тем выше шанс замять скандальную историю. Особенно если удастся вернуть беглянку до начала венчания.

На несколько мгновений я заколебалась: стоило ли открывать этот секрет? А потом вспомнила, насколько тяжёлая у Кабанихи рука, и, мстительно усмехнувшись про себя, изобразила ответное удивление.

— А ты не знаешь? Лиза ведь сбежала ночью.

— Да вы что! А я-то гадаю, за что барыня опять на вас осерчала! — ахнула Ефросинья, и глаза её заблестели нескрываемым любопытством. — Неужто с тем военным сбежала, с Дороховым?

Ого! А репутация-то у гусара соответствующая, пусть и среди дворовой прислуги.

— Да, — подтвердила я и коротко поделилась ночными событиями. Правда, умолчала о Катином «купании» в пруду — вот это точно была не та тема, которую следовало обсуждать.

— Ох, охальник! — всплеснула руками прислужница, выслушав мой рассказ. И наставительно добавила: — Вот говорила же я вам, барышня! А вы всё его защищали.

— Да, ошиблась, — покаянно вздохнула я. И подумала, что напрасно Катя не прислушалась к словам Ефросиньи. Впрочем, не зря говорят, что любовь слепа, и неважно, какой на дворе век.

В дверь коротко стукнули, и прислужница всполошилась:

— Всё, барышня, вот теперича пойду. Вы кушайте, а поднос потом Демьяну отдайте, хорошо?

И она торопливо выскользнула из комнаты.

— Надо бы и мне поспешить, пока ещё кто-нибудь не явился, — пробормотала я. — А потом, может, останется время для осмотра вещей.

Придвинула к подоконнику стул, убрала с подноса салфетку и с огромным аппетитом принялась уплетать большой кусок мясного пирога. Затем налила себе чашечку душистого травяного чая, однако не успела сделать и двух глотков, как за дверью вновь раздался шум.

«Не могли на пять минут позже!» — мысленно возмутилась я, под звук отпираемого замка пряча поднос с остатками завтрака под кровать. Только успела выпрямиться и быстро стряхнуть с халата предательские крошки, как дверь отворилась.

В комнату вплыла в пух и прах разряженная Кабаниха.

Глава 7

— Почему до сих пор не одета?

Никакого «доброутро», сразу с претензии.

— Не успела, Марфа Ивановна. — Я бестрепетно посмотрела на Кабаниху и тут же потупилась, вспомнив, что Кате дерзость была несвойственна.

А мне хотя бы первое время, пока не освоюсь, имело смысл поменьше выбиваться из образа безропотной приживалки.

— Да уж, поспать ты любишь! — припечатала барыня и без перехода продолжила деловым тоном: — Значит, так. Лизку-вертихвостку покуда не вернули, а собираться на венчание надо. Потому ты сейчас идёшь со мной в Лизкину комнату, и мы с Лукерьей тебя одеваем.

Так, значит, за ночь она не передумала. Вот же дрянь.

— Марфа Ивановна… — Я удачно сообразила, что в то время все были чрезвычайно набожны. — Грех ведь это, в церкви обманывать.

— Господь всё видит, — отмахнулась Кабаниха. — Коли допустит, чтоб Лизка нашлась после венчания, значит, такова его воля.

Очень удобная позиция. Прямо-таки эталонно иезуитская.

— А если не найдётся?

Наши с Кабанихой взгляды встретились, и на этот раз я прятать глаза не стала.

— Найдётся, — жёстко отрубила барыня. — Главное, фату не поднимай.

— А если всё-таки нет? — Я гнула своё. — После венчания ведь званый обед, там в фате сидеть не получится.

Да и вообще, если я правильно представляю, ещё в церкви жених должен целовать невесту. Даже опуская то, что я категорически против поцелуев с каким-то левым мужчиной, будь он хоть сто раз граф, обман откроется в ту же минуту.

— Там разберёмся. — Кабанихе нечем было меня обнадёжить. Не удивительно, ведь идея с подменой не выдерживала никакой критики.

— Марфа Ивановна…

— Цыц! — Барыня понимала, что собирается сделать фигню, однако выслушивать об этом от других не желала. — Живо переодевайся и идём! Даю тебе, — она вытащила из потайного кармашка на платье серебряные часы на цепочке, — десять минут. Пошевеливайся!

На этой «приятной» ноте Кабаниха оставила меня одну.

Легко сказать «пошевеливайся»! А попробуй одеться в грёбаное платье с его крючками, завязками и прочими корсетами, когда ты понятия не имеешь, как всё это делается!

Я сопела, пыхтела, ругалась сквозь зубы, пока, наконец, кое-как не закончила с одеванием. И ведь Катя ещё носила относительно простое и скромное платье!

«Зато в свадебное меня будут наряжать другие», — попробовала я найти что-то положительное в ситуации. Но тут же скисла, признав: лучше всю жизнь одеваться самой, чем участвовать в дебильном спектакле, затеянном Кабанихой.

Неужели этот граф настолько важен, что ради него она хватается буквально за призрак соломинки?

Мои раздумья оборвала без стука распахнувшаяся дверь.

— Готова? — Кабаниха окинула меня раздражённым взглядом. — Ты за ночь одеваться разучилась, что ли?

— Нет. — Я как можно незаметнее одёрнула юбку, так и норовившую перекоситься.

— Ну-ну! — фыркнула барыня. Резко велела: — Волосы-то побери, бесстыдница! И идём!

О блин, ещё и это! Я подавила вздох и принялась скручивать на затылке узел. Получалось так себе: во-первых, длинные волосы я уже лет пятнадцать, как не носила. А во-вторых, Кате повезло быть обладательницей столь густых локонов, что причёска то и дело норовила рассыпаться.

К счастью, барыня хоть и смотрела на меня, как на грязь из-под ногтей, зрелище не комментировала. Лишь когда я в конце концов совладала с волосами, повторно бросила:

— Идём, — и танкером выплыла в коридор.

Я, невольно робея (что ждёт меня за пределами знакомых стен?), последовала за ней. Кабанихиной тенью миновала длинный полутёмный коридор (половицы тоненько жаловались под тяжёлыми шагами барыни) и вместе с ней остановилась перед одной из дверей. Кабаниха сняла с пояса связку ключей, отперла замок и первой вошла в комнату, даже не оглянувшись, иду ли я за ней.

Глава 8

Впрочем, был ли у меня другой вариант? Риторический вопрос. Потому я тоже переступила порог и оказалась в комнате, гораздо симпатичнее Катиной спальни.

Она была больше: здесь помещалась не только кровать с газовым балдахином, двустворчатый полированный шкаф и неизменный столик для умывания, но и элегантное трюмо, заваленное лентами, расчёсками, какими-то флакончиками — словом, девичьими штучками. Правда, стола в комнате тоже не было, но его прекрасно заменяло маленькое бюро. И, разумеется, на полу лежал ковёр, стены украшали акварельные пейзажи, а окно — миленькие занавесочки.

«Сразу понятно, кто есть кто в этом доме», — сумрачно подумала я.

И незамедлительно услышала раздражённое:

— Что стоишь столбом? Сымай платье! И где Лукерья? Ох, дождётся она у меня!

Кабаниха зло затрясла серебряным колокольчиком, а я принялась расстёгивать с таким трудом застёгнутые крючки и пуговки.

На черта одевалась, спрашивается? Чтобы пройти несчастные двадцать метров коридора?

— Простите, барыня! — В комнату буквально ввалилась незнакомая прислужница — невысокая и полная, отчего у меня сразу возникла ассоциация с колобком. — Онуфрий, зараза, задержал!

Кабаниха наградила «опоздуншу» недобрым взглядом и сквозь зубы велела:

— Помогай барышне.

Лукерья бросилась выполнять, и вскоре я уже стояла посреди комнаты в одной сорочке. А спустя ещё какое-то время меня облачили в пышное белое платье — всё в кружевах, оборках и бантиках.

— Поворотитесь! Поднимите руку! Опустите руку! Втяните живот! Ещё! — только и слышала я.

И с удовольствием бы выдохнула, когда процесс одевания завершился, да увы — затянутый по самое не могу корсет в принципе позволял дышать с трудом.

Однако сборы ещё не закончились.

— Теперь присядь, — велела Кабаниха, указывая на пуфик перед трюмо.

Прямая, словно манекен (да и манера двигаться у меня, наверное, была, как у робота), я кое-как опустилась на край пуфика. Мне на плечи немедленно легло широкое полотенце, закрывая платье.

— Ты волосами займись, — бросила Кабаниха прислужнице. — Да смотри, чтоб ни пряди из-под фаты не выглядывало! А я, — она смерила меня оценивающим взглядом, — покуда лицо набелю да накрашу.

«Трындец коже», — грустно подумала я, припоминая, что в это время были популярны белила со свинцом и прочая сомнительная косметика. Однако деваться было некуда, и в скором времени меня загримировали так, что в пору было сказать «заштукатурили».

Тем не менее стоило отдать Кабанихе должное: когда моё преображение в невесту наконец было завершено, опознать во мне Катю (или Лизу) стало в высшей степени затруднительно. Я словно превратилась в куклу-невесту — нарядную, но безликую.

— Годится, — выдала вердикт Кабаниха, придирчиво осмотрев меня со всех сторон. Повернулась к Лукерье: — Ступай, да позови сюда Демьяна. И язык за зубами держи, коли не хочешь его лишиться. Ясно тебе?

— Как божий свет, барыня! — меленько закивала прислужница и едва ли не пятясь вышла из комнаты.

Мы с Кабанихой остались тет-а-тет, впрочем, ненадолго.

— Смотри, Катька. — Под тяжёлым взглядом барыни хотелось втянуть голову в плечи. — Выдашь себя — со свету сживу.

«Ты это уже говорила», — хмуро парировала я в мыслях, а Кабаниха продолжила:

— До венчания ещё часа два…

Сколько?! И какая же надобность была готовиться настолько заранее?

—…молись вместе со мной, чтобы Лизку воротили. А покуда посиди здесь, да не вздумай чего! Дверь запру, а сторожем Демьяна оставлю. Поняла?

Я молча кивнула. Кабаниха в последний раз осмотрела меня с головы до ног и тоже вышла. Щелчок замка — и я вновь была взаперти.

— Ну и ладно, — буркнула я. — Зато здесь теплее.

А ещё можно изучить Лизины вещи, раз с Катиными не вышло. Копаться в ящиках я, конечно, не собиралась — не смогла бы себя переломить. Но вот поразглядывать альбомы, неряшливой стопкой лежавшие на бюро, — почему бы и нет?

Или вообще, переодеться в одежду попроще («Шо, опять?!» — с интонациями известного мультяшного персонажа взвыл внутренний голос) и попробовать сбежать через окно. Ведь в отличие от Катиной комнаты, окна здесь выходили не во двор, а в сад, что уменьшало вероятность быть замеченной.

«Оставлю на крайний случай», — решила я и подошла к бюро.

Глава 9

И вот тут я наконец-то не прогадала. Разумеется, альбом был полон милого лепета, вроде: «Дружочек Лизонька! Спасибо за бесконечную дружбу и за то, что ты умеешь разделять со мной и горечь, и радость. Пусть жизнь твоя будет так же ясна, как твоя милая улыбка!» Но к этим сахарным строчкам с ятями, ерами и изящными завитушками всегда прилагалось главное: дата.

1878, 1879, 1880-й… Последняя запись (кстати, от некоего А. Д. и весьма фривольного содержания) была датирована третьим сентября 1880 года.

— Значит, крепостное право уже отменено, — пробормотала я и вспомнила пассаж Кабанихи о «новомодных законах». — Интересно, а царя уже убили?

Увы, память на исторические даты у меня была отвратительной — в школе я всегда шпаргалки с ними писала. И помнила только начало-окончание Великой Отечественной (попробуй не запомни такое!), годы Куликовской битвы и Бородина, да, почему-то, год отмены крепостного права. Весьма смутно припоминалось, что после реформ Александра Второго настала пора контрреформ Александра Третьего, но что-то более конкретное я не смогла бы рассказать и под страхом смерти.

— Хм. И почему я рассуждаю, будто это прошлое? Может, просто параллельный мир, где тоже был свой 1880 год?

Тут я поняла, что опять беседую сама с собой вслух, и поспешила прикусить язык. Прошлое, параллельный мир — какая мне разница? На желание Кабанихи отправить меня на венчание вместо Лизы это никак не влияло.

Я ещё немного полистала альбомы: акварельные и карандашные зарисовки, стихи, засушенные цветы и листики, красиво приклеенные к бумаге. На рисунках были преимущественно пейзажи, хотя нашлось и несколько портретов. Я легко узнала Катю (то есть уже себя), Кабаниху и Дорохова. Стихи же были сплошь незнакомыми и, судя по банальности рифм, излишнему пафосу и общей корявости, принадлежали каким-то провинциальным поэтам, чьё творчество не пережило проверки временем.

— Нет бы Пушкина или Лермонтова переписывала, — высказалась я с нотами осуждения.

Закрыла альбом, сдвинула его в сторону и вздрогнула.

Из прорехи в раздвинутых бумагах на меня строго и требовательно смотрел портрет неизвестного мужчины.

— И кто же ты такой?

Я аккуратно достала коричневатую монохромную фотографию. Незнакомцу на ней можно было дать лет тридцать-тридцать пять; лицо его было не столько красивым, сколько волевым и, я бы сказала, породистым. Высокий лоб, на который падала тёмная прядь, нос с горбинкой, крепко сжатый рот, твёрдо очерченный подбородок… Не Дорохов, конечно, несмотря

на военный китель и гордый разворот широких плеч. Однако если бы я выбирала между этим незнакомцем и ловеласом-гусаром, выбрала бы первого.

— Хм. А уж не пресловутый ли ты граф Мелихов? — Мне припомнилось, что Кабаниха назвала его героем войны. И хотя вживую Лиза с ним вроде бы не встречалась, фотографиями они вполне могли обменяться.

Повинуясь наитию, я перевернула снимок и прочла написанное твёрдым красивым почерком: «Елизавете Алексеевне с искренними заверениями преданности. Г. М.»

— Похоже, угадала, — резюмировала я и невесело усмехнулась. — Впрочем, вряд ли Лизу надут, а значит, скоро узнаю наверняка.

Так оно и получилось.

***

— Ибо жить богоугодно значит…

— Подождите. Елизавета Алексеевна, поднимите фату.

Я двумя руками откинула лёгкий газ и исподлобья посмотрела на графа Георгия Мелихова, в жизни оказавшегося в точности таким же, как на фотографии.

Не красавцем, но, без сомнения, старого дворянского рода, а ещё — привыкшим приказывать, а не просить.

— Вы не Елизавета Кабанская. — От прокурорского тона мороз продрал по коже. — Кто вы такая и где моя невеста?

Я открыла рот, собираясь ответить: не разыгрывать же из себя глухонемую? Однако меня опередил Кабанихин вопль:

— Катька! Мерзавка, ты что придумала? Где моя Лизонька?

Глава 10

Что и требовалось доказать. Всю вину скинула на бессловесную приживалку — глядишь, проглотит. А потом ещё можно обвинить, что это Катя сбила Лизоньку с пути истинного.

Мерзкая тётка.

— Ваша Лиза, — мой голос взлетел под церковные своды, перекрывая поднявшийся шум, — этой ночью сбежала с гусаром Дороховым, о чём вам прекрасно известно. Как и о том, что я заняла место невесты по вашему же приказанию.

Стоявшая в первом ряду Кабаниха побагровела, но случись с ней удар, я бы не посочувствовала.

Как говорила бабушка: «Это её Бог наказал».

— Бесстыдницы! — Священник наконец пришёл в себя и обрушился на нас громовой отповедью. — В Божьем доме обман затевать? Лгать пред Его ликом? Да я на вас епитимью наложу на три года!

— Знать ничего не знаю! — в свою очередь, закричала пришедшая в себя Кабаниха. — Навет всё это! Катька всегда моей Лизоньке завидовала, вот и пошла на подлость!

— От церкви отлучу! — продолжал греметь священник. — Что за бесовское наущение!..

Шум стоял просто невыносимый. Пожалуй, молчали только я да мрачный, как грозовая туча, Мелихов. От воплей и обвинений начинала болеть голова, из-за туго затянутого корсета не хватало воздуха.

«Пойду я на фиг отсюда, — пришла ко мне своевременная мысль. — Пока в обморок не грохнулась в лучших традициях тургеневских барышень».

Я поймала угрюмый взгляд Мелихова, одними губами изобразила: «Простите», — и, подхватив юбки, двинулась к выходу из церкви.

Гости, спасибо им, хоть и пялились да обсуждали, не стесняясь, мешать мне не стали. Зато подскочившая Кабаниха как клещами вцепилась мне в предплечье.

— Куда?! Сбежать вздумала?

И тогда я сделала то, чего никогда не позволила бы себе в прежней жизни и на что ни при каких обстоятельствах не решилась бы Катя.

С размаха влепила барыне звонкую пощёчину.

Шокированная Кабаниха прижала ладонь к лицу, а я, выдернув руку, зло рявкнула:

— Не смей меня трогать, поняла? — и быстрым шагом продолжила путь.

Больше меня никто останавливать не пытался.

Наконец оказавшись на церковном дворе, я решительно пересекла его, вышла за ограду и приблизилась к стоявшей в стороне Кабанихиной карете.

— Чегой-то вы одна, барышня? — изумился кучер Прошка, трепавшийся с коллегами по извозчичьему цеху.

— Отменилась свадьба, — сухо ответила я. — Вези меня обратно.

— Погодите, барышня! — Прошка совсем растерялся. — Как же я вас свезу? А барыня? Она ж меня со двора прогонит за такое!

Тьфу, блин! И денег нет, чтобы ему дать. Счастливый пятачок в туфле не в счёт.

— Значит, пойду пешком, — процедила я.

Резким движением сорвала фату, отбросила её в сторону и зашагала прочь.

— Барышня!

«Да идите вы все!..»

— Катька! Стой, мерзавка!

Ага, вот и Кабаниха очнулась и из церкви выскочила. Надеюсь, у неё хватит ума не бежать за мной? Я не дралась со времён далёкого детства, но сейчас была морально готова втащить кому угодно.

— Екатерина! Подождите!

Мелихов? Хотя логично, ему нужны объяснения. И я, чувствуя себе обязанной их дать, нехотя остановилась. Обернулась к догнавшему меня графу, тяжело посмотрела ему в лицо.

«Ну, жду».

— Вы Екатерина Смольянова, верно? — Мелиховский взгляд по тяжести не уступал моему. — Родственница Марфы Ивановны?

— Приживалка в доме Марфы Ивановны. — У меня не было настроения к иносказаниям. — Вам угодно узнать, каким образом я оказалась на месте Лизы?

— Нет, — неожиданно ответил Мелихов. — Я в целом догадался, что произошло.

Ещё одно подтверждение, что граф — человек неглупый.

— Лучше скажите, куда вы идёте? — между тем закончил Мелихов, и я невольно задумалась.

Куда?

— В имение.

Больше ведь некуда. Хотя что после случившегося может сотворить со мной Кабаниха — думать не хочется.

— Вы уверены, что вам туда надо? — в унисон моим мыслям уточнил граф, и я вновь невольно почувствовала уважение к его уму и знанию людей.

Честно ответила:

— Не уверена. Но у меня только два пути: или туда, или топиться. Топиться я не хочу.

— Правильно, — с твёрдостью одобрил Мелихов. Немного помолчал, словно формулировал следующую фразу, и продолжил: — Екатерина… Простите, не знаю вашего отчества.

Как будто я его знала. К счастью, в памяти вдруг всплыло «Васильевна», и я повторила вслух:

— Екатерина Васильевна.

— Екатерина Васильевна, — склонил голову Мелихов. — Так вот, я предлагаю вернуться к каретам и отправиться в имение вместе. Вам — с Марфой Ивановной, мне следом.

Я наморщила лоб.

— Вы хотите что-то обсудить? С нами обеими?

— Да, — спокойно подтвердил Мелихов. — А заодно не допустить, чтобы на вас отыгрались за неизбежное.

«Настоящий дворянин, — не могла не оценить я. — Не то что всякие Дороховы».

И, не имея иного разумного выхода, согласилась:

— Хорошо, господин граф. Давайте вернёмся к каретам.

В конце концов, при нём Кабаниха и впрямь ничего мне не сделает. А пока суд да дело, может, получится и сбежать в более удобном и менее приметном наряде, чем платье невесты.

Глава 11

Когда мы приблизились к экипажам, уже собиравшаяся грузиться в карету Кабаниха так на меня посмотрела, что по спине мороз продрал, а живот инстинктивно втянулся.

«Оказывается, выражение "если бы взгляд мог убивать" — ни разу не метафора», — пронеслось в голове.

К счастью, барыня сразу же переключилась на стоявшего рядом со мной Мелихова, и я бы ни за что не поверила, расскажи мне это кто-нибудь, но на лице её отразилась виноватость.

— Господин граф, — не без заискивания начала она, — мне ужасно неприятно, что так вышло…

— Как и мне, — не самым вежливым образом прервал её Мелихов. — Потому я хочу обсудить случившееся с вами и Екатериной Васильевной.

— Ека… — Кабаниха не сразу поняла, что имели в виду меня. — Кхм. Не смею спорить, господин граф, но вы уверены, что Катька… Екатерина достойна этого разговора?

— Полностью уверен, — подтвердил Мелихов. — Потому предлагаю сейчас вернуться в ваше имение и всё обсудить. Взвешенно и без лишних чувств.

Обсуждать что-либо (тем более со мной) Кабанихе явно не хотелось. Но отказать она не могла и потому ответила:

— Разумеется, господин граф.

А затем, одарив меня ненавидящим взглядом, процедила:

— Садись.

Инстинкт самосохранения немедленно встал на дыбы: ехать в тесном пространстве кареты вместе с этой злобной мегерой?!

Однако выбора не было: к себе в экипаж Мелихов меня не пригласил. Видимо, даже после скандала в церкви для незамужней Кати подобное считалось жуть как неприлично.

Поэтому, чувствуя на себе горящие от любопытства взгляды до сих пор не разъехавшихся гостей, я молча забралась в карету. Забилась в дальний угол, морально готовая дать барыне отпор: хоть словесный, хоть физический.

Кабаниха с Прошкиной помощью тоже погрузилась в экипаж, вновь взглянула на меня, как на врага номер один, и, сквозь зубы пообещав:

— Ну всё, Катька. Доигралась, — громко крикнула: — Трогай!

Щёлкнул кнут, карета качнулась и под скрип рессор тронулась с места. Я выглянула в окошко: ехала ли следом открытая коляска Мелихова? И тут же получила злое:

— Сядь на место, зараза! Ишь, крутится! Полгода строго поста, триста рублёв пожертвования, чтобы замять дело, да больше тыщщи за празднество! Позор перед всеми соседями — год теперь языки чесать будут! Ох, Катька, да ты у меня каждое словечко, каждую копеечку трижды отработаешь!..

Я могла бы напомнить, что предупреждала: так и будет. И что идея была целиком и полностью Кабанихиной. И что если кого винить, то сбежавшую Лизу. Однако, разумеется, промолчала.

Чёрт с ней, с барыней, пусть грозит и ругается. Пока это лишь сотрясение воздуха.

Ехать до имения было около получаса, и всё это время Кабаниха костерила меня на все корки. А я молча пялилась в окно, стараясь абстрагироваться от вздорной спутницы, и размышляла, что же хочет обсудить с нами Мелихов.

Тоже потребует деньги за позор и нарушенный договор? Но для этого моё присутствие не требуется. Предложит другой вариант возмещения ущерба? Опять же, я для этого зачем? О браке вон чисто с Кабанихой уславливался, Лиза его только по фотографии знала.

«Странно это всё. Но чем бы разговор не закончился, в имении мне оставаться нельзя. Как только Кабаниха лишится сдерживающего фактора в лице графа, отыграется по полной. Хорошо, если просто низведёт до уровня дворовой девки, как грозится, — так хоть сбежать получится. А вот если запрёт, да ещё в погребе, да ещё без еды и воды… Нет, если у Мелихова будет предложение насчёт меня, надо хвататься. По первому впечатлению он гораздо адекватнее этой самодуры».

Между тем впереди уже появились знакомый забор и черепичная крыша барского дома. Ещё каких-то десять минут, и из-под колёс въехавшей во двор кареты метнулся невесть как выбравшийся из птичника петух. Челядь же, наоборот, бросилась к нам с приветственными криками, готовясь обсыпать молодых зерном. Однако высунувшаяся в окно Кабаниха так гаркнула:

— А ну, пошли прочь! Не было свадьбы! — что прислужники испуганно шарахнулись во все стороны.

Карета остановилась перед крыльцом, и неизменный Прошка помог барыне выбраться из неё. Кабаниха тяжело подошла к ступенькам, да там и осталась стоять, поджидая Мелихова. Наверное, я могла бы воспользоваться моментом и ускользнуть к себе — например, чтобы в который раз переодеться. Однако барыня Цербером перегораживала вход, а во двор уже въезжала графская коляска.

Однако не успел Мелихов с неё сойти, как за воротами вновь раздался дробный стук копыт. Во двор ворвался конный отряд человек в пять, и предводитель его, ещё издали завидев Кабаниху, торжествующе заорал:

— Нашли! Нашли, барыня! Барышню Лизавету нашли!

Глава 12

«Эх и почему не на пару часов раньше?!»

Уверена, эту мысль мы с Кабанихой подумали в унисон. А тем временем предводитель конников властно махнул рукой, и вперёд выехал один из его людей. Перед ним на луке седла и впрямь сидела светловолосая девица лет восемнадцати. Платье на ней было грязное, на лице написан неприкрытый испуг, однако ни одно из этих обстоятельств не помешало мне узнать Лизу из Катиных воспоминаний.

Конник ловко ссадил барышню. Та пошатнулась — похоже, сказывалась неудобная езда, — однако сходить с места не торопилась.

— Нашли! — проскрипела Кабаниха. В два шага оказалась перед блудной дочерью, и на весь двор разнёсся звонкий звук пощёчины.

Барыня себе не изменяла.

Едва устоявшая на ногах Лиза прижала ладонь к горящей щеке, а Кабаниха визгливо приказала:

— В комнату её! Запереть!

Челядь бросилась исполнять, но тут вмешался позабытый барыней Мелихов.

— Погодите!

Остановленные повелительным окликом прислужники замерли.

— Марфа Ивановна. — Под взглядом графа Кабаниха как будто уменьшилась в росте. — Мы собирались поговорить. И коль уж обстоятельства вернули нам Елизавету Алексеевну, пусть она присоединится к нам.

Растерянно хлопавшая ресницами Лиза вдруг сообразила, кто этот мужчина, и жарко вспыхнула (я мстительно понадеялась, что от стыда). А затем наконец заметила меня, и глаза её округлились.

— Катя? Ты почему в моём платье?

— Потому что ты сбежала с Дороховым, — зло ответила я, и краска на Лизиных щеках стала совсем уж пунцовой.

— Марфа Ивановна. — Мелихов смотрел на Кабаниху столь говоряще, что та не могла не махнуть рукой.

— Хорошо. Лизка, иди следом. Да смотри у меня!..

Сделав это напутствие, барыня невежливо повернулась к нам спиной и заковыляла в дом, заметно подволакивая ногу.

«Как бы её инсультом не саданило, — царапнуло недоброе предчувствие. — Возраст, телосложение, эмоции… С одной стороны, конечно, это будут проблемы Лизы. А с другой, она скорее сама в обморок грохнется, чем будет мать откачивать. И разбираться со всем придётся мне и Мелихову».

Однако до гостиной Кабаниха добралась своим ходом. Усадила графа в лучшее кресло, уселась сама, однако на дочь и меня глянула так, что мы обе остались стоять школьницами в кабинете директора.

Впрочем, Мелиховская натура дворянина не смогла отнестись к этому спокойно.

— Екатерина Васильевна, Елизавета Алексеевна, садитесь, пожалуйста.

Вроде бы вежливо, но не подчиниться было невозможно. И даже Кабаниха отвела глаза, принимая ослушание своего невербального приказа.

— Прежде всего, — Мелихов обвёл нас стальным взглядом, — позвольте мне изложить последовательность событий, как я её вижу. Если в чём-то ошибусь, прошу без стеснения поправить.

Выдержал короткую паузу и продолжил:

— Началом всему, насколько я представляю, послужил побег Елизаветы Алексеевны с неким Дороховым. Кажется, я слышал эту фамилию, правда, не в самом лестном контексте. Но оставим. Итак, невеста сбежала, за ней пустили погоню. Однако требовалось сделать так, чтобы от жениха всё осталось втайне, и вы, Марфа Ивановна, решили подменить дочь у алтаря.

— Это всё Катька! — Разумеется, Кабаниха не могла полностью взять вину на себя. — Её идея!

— Позвольте усомниться, — сухо возразил Мелихов и, не давая барыне развязать спор, заговорил дальше. — В качестве подмены была выбрана ваша родственница, Екатерина Васильевна. Признаюсь, если бы не природная наблюдательность и не привычка доверять собственным предчувствиям, я остался бы в дураках. Обратная подмена случилась бы перед праздничной трапезой, а то, что по сути я женат на другой, осталось бы навеки нераскрытым.

Да, совсем чуть-чуть у Кабанихи не получилось, хотя план был откровенно безумным.

— Однако истина открылась. — Поразительно, насколько Мелихов держал себя в руках, чтобы рассказывать об этом полностью будничным тоном. — И договорённости наши пошли прахом: как вы понимаете, после случившегося женитьба на вашей дочери сделает меня посмешищем в глазах всего света. Тем не менее жена мне до сих пор нужна, и нужна срочно, о чём я передавал через Инессу Романовну.

Это ещё кто такая? Сваха? Или просто знакомая, которая свела графа с семьёй Кабанских?

— Времени на розыски и новые договорённости у меня в обрез. Потому в сложившейся ситуации мне видится единственный выход. — Мелихов отчего-то воззрился на меня, и от

этого взгляда захотелось спрятаться за спинку стула, на краешке которого я сидела. — Я предлагаю Екатерине Васильевне сыграть тихую свадьбу в Задонском уезде, где находится моё имение и куда эхо сегодняшнего скандала не должно быстро докатиться.

Он предлагает мне выйти за него замуж? Просто потому, что ему нужна жена, абсолютно любая?

— Жениться на Катьке?! — в унисон моим мыслям вскричала Кабаниха, а Лиза вдруг почернела до некрасивости.

Но прежде чем Мелихов или кто-то ещё успел вставить новую фразу, я как со стороны услышала свой голос.

— Простите, граф, но я не согласна!

Глава 13

«Как?!»

Это восклицание настолько явственно отразилось на лицах всех присутствующих, что я едва удержалась от хихиканья.

И невежливо, и истерикой отдаёт, и вообще. Я же сама собиралась цепляться за любую возможность сбежать от Кабанихи. Так почему не через брак?

— Господин граф, поймите правильно. — Я не сводила глаз с Мелихова, понимая: сейчас решает он один. — Сегодня я увидела вас впервые в жизни, да и в целом знаю о вас чуть больше, чем ничего. А ваше намерение жениться буквально на первой встречной… Согласитесь, оно весьма странное. Насколько бы ни было сложным моё положение в доме Марфы Ивановны, я бы не хотела попасть из огня в полымя.

— Сложное положение! — без промедления взвилась Кабаниха. — Неблагодарная! Да ты как сыр в масле катаешься!

— Я понял ваши сомнения. — Полностью игнорируя барыню, Мелихов смотрел на меня даже не изучающе, а препарирующе. — Пожалуй, я смогу развеять ваши сомнения, но прежде хотел бы услышать слово Марфы Ивановны, как вашей старшей родственницы. Марфа Ивановна, — он перевёл взгляд на Кабаниху, — вы согласитесь заменить Елизавету Алексеевну Екатериной Васильевной, но уже в открытую? На тех же условиях брачного контракта?

Кабанихино лицо застыло маской: похоже, там, за ней, неприязнь к Кате боролась с… Чем? Жадностью? Тщеславием?

— Маменька! — плаксиво выдохнула Лиза и сжала ладони перед грудью. — Вы не можете так поступить! Я, я должна была выйти замуж! Почему Катя?..

«Потому что Дорохов предложил тебе побег, — хмуро подумала я, — и ты согласилась, забив на свадьбу с графом. Расхлёбывай теперь».

— Цыц! — Дочкины причитания отвлекли Кабаниху от внутренней борьбы. — Помалкивай!

Затем она устремила взгляд на меня, и столько отвращения было в нём, что дурак понял бы: барыня буквально наступает себе на горло.

— Соглашаюсь, господин граф, но снова говорю: хуже пару вы выбрать не могли. Катька ленивая, бестолковая, дерзкая девица без малейшего понятия о приличиях…

— Спасибо, Марфа Ивановна, — перебил Мелихов. — Ваша точка зрения мне ясна. А теперь, если не возражаете, я бы хотел переговорить с Екатериной Васильевной. Полагаю, это вполне допустимо приличиями, коль она моя невеста.

«Между прочим, я своего согласия ещё не дала», — холодно заметила я в мыслях. Но моё мнение здесь если и волновало кого, то только Мелихова, и то поскольку постольку.

— Конечно, господин граф. — Кабаниха сделала невнятный жест. — Идём, Лизка. Мне с тобой много о чём надо поговорить.

Лиза испуганно втянула голову в плечи и бросила на бывшего жениха умоляющий взгляд. Однако на этот раз граф остался равнодушен к громам и молниям, которые должны были пасть на голову бедовой девицы. Потому Лизе ничего не оставалось, как с видом идущей на казнь под конвоем Кабанихи оставить гостиную.

Мы с Мелиховым остались наедине. Я по-прежнему сидела на краешке стула, примерно сложив руки на коленях и не сводя с графа испытующего взгляда. Мелихов же, будто нервничая, поднялся и подошёл к каминной полке, уставленной безвкусными безделушками.

Молчание затягивалось, тем не менее я не планировала его нарушать. В конце концов, кто кого здесь должен убеждать? И неважно, что для меня отъезд из Кабанихиного имения был не менее жизненно важен, чем для Мелихова — срочная женитьба.

— Екатерина Васильевна, — наконец заговорил граф. — Вы сказали, что почти ничего обо мне не знаете. В таком случае начну с краткого представления. Георгий Мелихов, подполковник от инфантерии, сейчас в отставке. Обстоятельства сложились таким образом, что ко мне перешло старое имение в Задонском уезде. Состояние его, не буду скрывать, плачевное; потребуется много усилий, чтобы вернуть имению былой блеск. Сам я, к сожалению, не смогу заниматься им в должной мере, а управляющие в девяти случаях из десяти — бессовестные воры. Вот почему мне необходима супруга, которая сможет взять на себя заботы об имении.

Я посмотрела на Мелихова с крайним скептицизмом. Связать жизнь с какой-то левой девицей исключительно затем, чтобы использовать её, как бесплатного и честного управляющего? Какой-то неравноценный обмен, ведь с разводами, если мне правильно помнилось, в это время всё было очень грустно.

Тем не менее Мелихов, похоже, закончил своё объяснение, а значит, требовалось что-то ответить.

— Господин граф, — начала я, подбирая слова, — я с огромным удовольствием возьму на себя хлопоты об имении, однако не вижу необходимости выходить для этого замуж. Вы могли бы нанять меня экономкой…

— Не мог бы, — прервал меня Мелихов. — К экономке меньше почтения, чем к хозяйке. И потом, для молодой незамужней девушки это неприлично.

Кхе.

— Екатерина Васильевна, — между тем продолжал граф, — даю вам слово чести быть хорошим мужем и отцом…

А вот последнего вообще не надо! Он, конечно, не урод, но ввязываться в супружеский долг с человеком, которого и суток не знаешь… Нет, в прошлой жизни среди моих знакомых были такие, кто мог бы выскочить замуж (или перейти сразу к постели) спустя и час после знакомства. Однако я для этого была чересчур старомодна.

—…прошу вас поверить мне, Екатерина Васильевна.

— Верю, — спокойно ответила я. — И тем не менее соглашусь на ваше предложение при одном условии: наш брак будет полностью фиктивным.

Глава 14

Такой ответ Мелихову не понравился. Ещё бы: граф, подполковник, герой, а какая-то бесприданница носом крутит.

И он попытался возразить:

— Екатерина Васильевна, я не буду настаивать на, м-м, регулярном исполнении обязанностей мужа и жены, однако в семье нельзя без наследника.

Угу, а если родится наследница? И что насчёт высокой детской смертности? «Десятерых родила, пятерых похоронила» — разве не обычная картина для этого времени?

— Граф. — Для пущей весомости я встала на ноги. — Понимаю ваши резоны, но принять их не могу. Компромиссом предлагаю развод по истечении выбранного вами срока.

У Мелихова дёрнулась щека.

— Развод — дело грязное и хлопотное, — не без резкости возразил он. — Уверены ли вы, что хотите именно этого?

— Уверена, — твёрдо ответила я (имея, впрочем, достаточно смутное представление, на чём настаиваю). — Или наймите меня экономкой — право, граф, это самый простой и бесхлопотный вариант.

Однако Мелихову, похоже, нужна была именно жена (и я сильно сомневалась, что услышала главную причину этого). Потому он скрепил эго и после недолгой паузы отрывисто произнёс:

— Хорошо, Екатерина Васильевна. Даю слово чести, что наш брак останется фиктивным, а спустя пять лет после свадьбы мы его расторгнем.

— И это будет обозначено в брачном договоре? — Как человек двадцать первого века я больше верила бумаге, а не слову.

Пусть даже чести.

На щеках Мелихова вздулись желваки. Кажется, он уже жалел, что связался именно со мной, а не попытался найти жену где-нибудь ещё. Однако же процедил:

— Да, Екатерина Васильевна. Это будет прописано в договоре.

И правильно сделал: отступать было некуда. И ему, и, по большому счёту, мне.

— В таком случае, граф, примите мою руку. — Я протянула Мелихову ладонь, слишком поздно сообразив, насколько такой жест не соответствует образу нежной барышни.

Впрочем, вся моя манера ведения переговоров мало ему соответствовала. И ощутимо, но бережно сжавший мою ладонь Мелихов не мог это не прокомментировать.

— Знаете, Екатерина Васильевна, когда я впервые услыхал о бедной родственнице Марфы Ивановны, я представлял вас совсем не так.

— Вы разочарованы? — уточнила я, и Мелихов качнул головой.

— Нет. — Он кривовато усмехнулся. — Думаю, наоборот: я искал медь, а нашёл золото.

Это в том смысле, что я смогу без напряжения построить челядь в имении? Я с подчёркнутым любопытством приподняла брови, однако Мелихов задерживаться на этом не стал.

— Что же касается дальнейшего, — продолжил он, — то отъезд ваш из дома («Дома? А, это он про Кабанихино имение!») состоится завтра, как и планировалось. Вы поедете в Катеринино…

Я недоумённо моргнула, и граф пояснил:

— Да, так называется моё имение. Оно было пожаловано нашей семье указом Екатерины Великой, отсюда название. Но я согласен: совпадение забавное.

Он сделал короткую паузу, давая мне возможность как-то это прокомментировать. Однако я промолчала, и Мелихов вернулся к прежней теме.

— Так вот, вы поедете в Катеринино в сопровождении отряда из моих прислужников и прислужников Марфы Ивановны. Сам я, к сожалению, должен задержаться здесь по делам.

Как интересно! И что это за дела, ради которых он собирался отправить молодую жену в имение в сопровождении одних лишь слуг?

— Потому или нагоню вас по дороге, или подъеду в имение позже. Но не беспокойтесь: там уже все предупреждены и ждут вас.

— Меня или Лизу? — предусмотрительно уточнила я, и уголки мелиховского рта дёрнулись, словно пряча усмешку.

— Мою жену, — пояснил он. — Не переживайте, в самозванстве вас не обвинят.

Я кивнула, и граф закончил:

— Завтра к десяти утра я буду здесь. Представлю вам начальника обоза и провожу по тракту до Вознесенского.

— Хорошо, буду готова к десяти, — пообещала я.

Мелихов ответил кивком и напоследок заметил:

— С Марфой Ивановной я всё обговорю сам, вам волноваться не о чем.

— Спасибо. — Я не стала прятать благодарность в голосе. — Я скажу прислуге, чтобы нашли её?

— Буду признателен.

Я громко позвонила в колокольчик и велела спешно прибежавшей веснушчатой прислужнице:

— Отыщи барыню, да передай, что господин граф хочет обсудить с ней дела.

Девица убежала (не забыв, однако, стрельнуть в Мелихова любопытствующим взглядом), и в скором времени наш с графом тет-а-тет нарушила почти ввалившаяся в гостиную Кабаниха.

Уж не знаю, что (и насколько эмоционально) она обсуждала с дочерью, но даром ей это не прошло.

«Ещё одна нервная встряска за сегодня, и инсульт обеспечен», — пророчески подумала я, настолько сдавший был у барыни вид.

Но когда она без комментариев отпустила меня вялым жестом, ерепениться я, понятное дело, не стала и наконец-то покинула гостиную. Теперь можно было со спокойной душой подняться в Катину комнату, переодеться и заняться сборами. Заодно провести ревизию вещей, которую мне не дали сделать утром. А может даже (тут в желудке ощутимо засосало), Ефросинья догадается принести мне какой-нибудь перекус. С Кабанихи ведь станется вообще забить на «прокормление» взбесившейся приживалки.

Полная подобных мыслей, я поднялась по лестнице на второй этаж, свернула направо и только пройдя несколько метров сообразила, что иду не в ту сторону. Катя жила в другом крыле, а здесь находилась комната Лизы.

Однако не успела я, поняв ошибку, развернуться, как из-за ближайшей двери раздался стук и Лизин голос, в котором явственно звучали истерические нотки, позвал:

— Кто-нибудь! Эй, кто там ходит? Позовите Катю, Христом богом прошу!

Глава 15

Новые новости! И зачем это я ей понадобилась? Неужели второй раз сбежать хочет?

— Кто-нибудь!

Я замялась. Нужно ли мне это? Может, просто тихо уйти? Или притвориться прислужницей и сказать, что боюсь Кабаниху?

— Почему молчите? Позовите же Катю!

И я решилась. Подошла ближе к двери и внятно сказала:

— Это я. Что ты хотела?

С той стороны как будто задохнулись: от неожиданности? От радости? И тут же раздался сбивчивый речитатив:

— Катенька, дружочек Катенька! Как я рада! Это Бог тебя привёл, правда-правда!

Всё, я снова «дружочек» и «Катенька», а не «Катька»? Да уж, Лиза полностью в своём репертуаре.

— Лиза, — пусть это было несвойственно Кате, но я добавила в голос металла, — что ты хотела?

— Катенька, дружочек! — Лиза вняла намёку и перешла сразу к делу: — Ты ведь сможешь отправить письмецо? Маленькую записочку? Пожалуйста, душа моя, только чтобы никто — никто-никто! — не знал. Особенно маменька или этот противный граф!

Ага, а он опять противный. Хотя совсем недавно Лиза вспоминала, что именно она должна была выйти за него замуж.

Отчего-то мне стало обидно за Мелихова, и, наверное, поэтому следующий вопрос прозвучал так резко.

— Для кого письмо?

Запинка перед ответом была почти незаметной: Лиза успела сообразить, что сложно отправить послание, не зная адресата.

— Для Сенечки. Он должен спасти меня! Должен примчаться, поговорить с маменькой и непременно жениться! У нас будет самая пышная свадьба, все и думать забудут о сегодняшнем недоразумении!

Так вот как это, по её мнению, называется! Было бы смешно, если бы не было так грустно.

— Лиза. — Имеет ли смысл пробовать достучаться до её разума? — Почему ты думаешь, что он приедет за тобой? Он ведь позволил тебя увезти.

— Он не знал! — немедленно парировала Лиза. — Они ворвались на постоялый двор, когда Сенечка отлучился, чтобы добыть сменных лошадей! Бедный Сенечка! что он почувствовал, когда вернулся, а меня нет?

«Облегчение», — хмуро подумала я. Подавила вздох и мысленно махнула рукой: чёрт с ним, с письмом. Отправлю, мне не тяжело.

Ни беды, ни прока от этого всё равно не будет.

— Хорошо, давай свою записку. Куда хоть отправлять?

— Там написано! — Зашуршала бумага, и из-под двери показался желтоватый край конверта. — Только марку наклеить нужно, но у тебя ведь найдутся деньги на марку, правда?

Я подняла конверт, прочла неровно написанный адрес: «Тульская губерния, Белёвский уезд, село Ольховские Высоты, поместье Ольховское. Дорохову Арсению Владимировичу».

— Ты уверена, что письмо найдёт его там? — Мне реально было интересно, откуда Лиза взяла этот адрес.

— Должно, — твёрдо ответили из-за двери. — Там живёт его дядюшка, мы ехали, чтобы упасть ему в ноги и попросить благословить нас. Он ведь старенький совсем, а мы могли бы ухаживать… Ах, как только маменька могла послать за мной погоню! Неужто нельзя было просто отправить противного графа восвояси?

М-да. Похоже, Лиза жила в каком-то своём мире, оторванном от реальности, в которой официальных женихов просто так в лес за ёлками не посылают. И уж тем более женихов-графов.

— И тебе бы я, Катенька, советовала, — между тем продолжала Лиза, — бежать от этого Мелихова как от огня. Видано ли дело взять и сменить невесту едва ли не у алтаря! Нечисто с ним что-то, ох, нечисто!

— Спасибо за совет. — Разговор вдруг сделался неприятен до дурноты. — Я постараюсь отправить твоё письмо, но честно: не рассчитывай на Дорохова. Хотел бы — догнал и отбил тебя по дороге сюда.

— Он не знал! — с прежней горячностью повторила Лиза. — А эти мужики к тому же так быстро скакали! Я отбила себе всё, что можно… Но послушай, Катя! — В её голосе зазвучала неприкрытая надежда. — Может, он сам догадается? Поймёт, что меня вернули к маменьке, примчится, спасёт… Мы ведь муж и жена, пусть не венчанные пока!

Ай да Дорохов! Гусар, что ещё скажешь. Зачем только затеял всю эту историю? На Лизино приданое рассчитывал?

Но теперь точно будет ждать дядюшкиной кончины и не рыпаться. Или станет искать новую дурочку-наследницу, которой можно запудрить мозги. А к Лизе вряд ли вернётся: Кабаниха его на сотню маленьких гусаров порвёт за случившееся.

И понимая, что меня не захотят услышать, я всё же возразила:

— Не примчится и не спасёт. Ты для него в прошлом, и чем скорее это поймёшь, тем лучше для тебя будет.

— Ты ошибаешься! — возмутилась Лиза, и я, порядком утомившись от разговора, перебила:

— Дай Бог. Ладно, я пойду, пока меня кто-нибудь не заметил.

— Иди-иди! — тут же переключилась Лиза на более животрепещущее для неё. — Только непременно отправь письмо, дружочек! Бога молить буду, чтобы у тебя получилось! И беги от этого графа, покуда беды не вышло!

«Угу, уже на низком старте», — едко подумала я.

Однако двери сказала:

— Крепись, Лиза. Да поможет тебе Бог, — и, не дожидаясь возможного ответа, заторопилась в Катину комнату.

Унося с собой письмо, которое действительно собиралась отправить, чтобы совесть была чиста.

Глава 16

Среди Катиных вещей не оказалось ни альбомов с милыми пожеланиями, ни писем, ни дневников (мне припомнились горящие в камине бумаги — похоже, Катя собралась уходить, не оставив после себя никакой личной истории). Всё, что я обнаружила на полках шкафа: пачка нотных партитур, несколько акварельных этюдов, молитвенник да потрёпанный томик «Клариссы».

— Она любила Ричардсона, — пробормотала я, перелистывая желтоватые страницы, — не потому, чтобы прочла… Иначе сумела бы распознать в Дорохове собрата Ловласа. Что ж.

Захлопнула книгу, отложила в сторону и продолжила перебирать невеликое Катино имущество.

Две смены нижнего белья, два платья: шерстяное и хлопчатобумажное (на последнее я наконец сменила осточертевший свадебный наряд, после того как смыла «боевой раскрас»). Пара туфель, пара ботинок, пальто «на рыбьем меху», как выражалась моя бабушка. Скромная шляпка, капор, изрядно вылинявший тёплый платок, шаль — судя по неровным петлям, собственноручной вязки. Тощий вязаный кошелёк — я высыпала на ладонь несколько медных копеек и десять рублей серебром. Прокомментировала:

— Надеюсь, на марку хватит, — и добавила к монетам пятак, который мне как невесте положили в туфлю.

Зачем Кабаниха решила следовать этой традиции, оставалось неясным. Зато теперь мои невеликие финансы оказались пополнены, и кто знает, возможно, в будущем это станет критически важным.

Я вернула кошелёк обратно на полку и задумчиво постучала пальцем по нижней губе: теперь надо было разобраться, куда складывать вещи. Ни чемодана, ни саквояжа в шкафу не было, хотя…

— Кровать.

Я вспомнила, что когда утром прятала поднос, заметила под ней какой-то ящик. И сейчас вытащила на свет обитый сталью сундук — тяжёлый, порядком покоцанный и с пятнами ржавчины на металлических частях. Внутри он оказался пуст — лишь на самом дне одиноко лежал ключ, напомнивший мне сказку о Буратино.

— Значит, сюда и складываемся, — решила я.

Вытащила из шкафа пальто (что понадобится позже — на самый низ), и тут в дверь негромко стукнули.

— Входи! — Наверняка это был кто-то из прислуги — Кабаниха не стала бы утруждать себя стуком.

— Это я, барышня. — В комнату вошла Ефросинья, и я неожиданно для себя разулыбалась при виде знакомого лица. — Меня барыня за платьем послала.

Она неловко указала на лежавшее на кровати свадебное платье, и я махнула рукой:

— Да, конечно, забирай.

И не упуская возможность прояснить обстановку, сразу же спросила:

— Что там происходит, вообще? Граф ещё здесь? А Марфа Ивановна чем занята?

— Граф уехали, — тут же доложила Ефросинья, без малейшей аккуратности сгребая платье. — А барыня отдыхать ушла. Барышню Лизавету велела взаперти держать, ни еды, ни воды не давать, а себя покуда не беспокоить.

Вот и отлично. Только один нюанс…

— А обед когда будет? — Потому что желудок мне уже неоднократно намекал: завтрак был ну очень давно.

— Того не знаю, — виновато ответила прислужница. Однако сразу же загорелась: — А вы, барышня, тишком на кухню спуститесь. Феклуша вас покормит: на свадебную трапезу закуплено да заранее наготовлено много было.

— Да, так и сделаю, — кивнула я и вспомнила, о чём ещё надо бы спросить. — А на завтра как, экипаж готовят?

Ефросинья наморщила лоб и неуверенно ответила:

— Вроде бы господин граф сказали, что пришлют кибитку.

Ага, зажала Кабаниха карету. Что же, ожидаемо.

— Потому Демьян, да Лука, да Прохор, — продолжала прислужница, — собираются верхом ехать — провожать вас. И лошадей на смену готовят — вы же на своих, не на перекладных поедете.

Тут взгляд её наполнился сочувствием, и она от души сказала:

— Ох, бедная вы бедная, барышня! Сначала в церкве такой позор, а таперича ещё и ехать Бог весть куда да одной. Мне, конечно, господ обсуждать не след, да только зря господин граф так порешил.

Я задумчиво наклонила голову к плечу.

— Считаешь, лучше бы мне остаться?

Прислужница защитным жестом прижала платье к груди и мотнула головой:

— Нет, барышня. Вас бы после такого со свету сжили как пить дать. Оно и барышне Лизавете не позавидуешь, а уж вам-то… Только всё равно страшно это!

— С Божьей помощью справлюсь. — Я уже поняла, что лучший способ свернуть любой разговор — это сослаться на высшие силы. Против такого лома приёма в этом времени обычно не находилось.

Вот и сейчас, Ефросинья закивала и, снова посоветовав сходить на кухню, оставила меня одну.

А я закончила сборы (было бы что собирать, как говорится), немного поколебалась перед дверью, собираясь с духом, и наконец отправилась добывать себе обед.

К счастью, с этим сложностей не возникло. Полагаясь на интуицию, к которой примешивались смутные чужие воспоминания, я разыскала кухню, где царила дородная (а как иначе-то для кухарки?) и добродушная Фёкла. Катю она (как и многие, по моим ощущениям) жалела, потому под оханья и аханья я была без промедления усажена за стол и накормлена так, что впору Колобком выкатываться.

— Я вам на завтра корзинку соберу, — говорила кухарка, щедро поливая картошку в моей тарелке мясной подливой. — Барыня, конечно, велит не баловать, ток я всё равно побольше положу: и пирожков сладких, и мяса холодного с сыром, и хлеба. А утром вы, барышня, спуститесь пораньше, чтоб позавтракать. Сядете туточки в уголке, чтоб вас не видать особо было, да перекусите на дорожку как следует.

— Спасибо большое, Феклуша! — Я даже расчувствовалась от такой доброты. — Дай тебе Бог за всё!

А про себя решила завтра наделить серебряным рублём и её, и Ефросинью. Да, сумма наверняка смешная, к тому же мне и самой очень нужны деньги. Но просто пользоваться чужим расположением совесть не позволяла.

— Эх, барышня! — между тем вздохнула кухарка. — Что мне-то! У вас беда на беде да бедой погоняет!

Она скорбно качнула головой и, отвлекая себя от невесёлых мыслей, прибавила:

— Ладно, толку о грустном? Вы кушайте, кушайте! Сейчас и самовар готов будет.

И пока она хлопотала над чаем, я уже впрок доедала картошку и, на сытый желудок полная благостных мыслей, думала, что зря они все так меня жалеют.

Пять лет фиктивного брака, большую часть которых я буду сама себе хозяйкой в мелиховском имении (как я понимала, граф собирался туда наведываться раз в год по обещанию), станут временем, за которое я здесь освоюсь. А к тому моменту, как настанет пора вернуть свободу, успею составить план действий и подготовиться к самостоятельной жизни. Всё, что мне нужно: передышка и возможность осмотреться и подумать без постоянного Alarm! Так что в будущее, при всей его неопределённости, стоит смотреть…

Тут меня замутило, и я торопливо задышала ртом, отгоняя дурноту.

Переела, что ли? Или…

«Рано, — сказала я вновь зашевелившемуся предчувствию. — Пока даже гинеколог не определит, есть беременность или нет. Так что не накручивай себя, это не токсикоз».

Однако желание доедать вкусности пропало напрочь, и уже впустую выпив чашечку чая (лишь бы не огорчать Фёклу), я ушла из кухни.

Глава 17

С Кабанихой я в тот день больше не пересеклась. С одной стороны, этому стоило порадоваться, а с другой — вызови она меня на разговор, можно было бы попытаться узнать, что же такого предложил Мелихов за женитьбу сначала на Лизе, а после («По наследству», — хихикнула я про себя) на мне.

Но чего нет, того нет. По словам заглянувшей ко мне вечером Ефросиньи, барыня остаток дня провела в постели.

— Только сейчас чаю себе затребовала, — рассказывала прислужница. — Я-то к ней не заходила, но Лукерья шепнула: сдала барыня сильно. Не прошло даром, что в Божьем доме обман затеяла.

«Скорее уж даром не прошли дочкин побег, скандал и осознание, что графской женой станет-таки Катька, а не Лизонька», — подумала я.

Однако высказывать что-либо, разумеется, не стала, а лишь покивала с согласным видом. Сама я время с обеда до вечера тоже продремала, восстанавливая силы после столь бурного начала новой жизни. Опасалась, что ночью буду плохо спать, но уснула почти сразу, а проснулась оттого, что меня легонько встряхнули за плечо.

Открыла глаза и увидела над собой Ефросинью.

— Просыпайтесь, барышня! — позвала та. — В дорогу скоро, а вам ещё покушать надобно!

— Спасибо, — сонно улыбнулась я.

Села на постели и поёжилась от утреннего холода.

Бодрит, однако!

— Воду для умывания я вам принесла, — продолжила прислужница. — Давайте, одеться помогу напоследок.

Я с благодарностью приняла помощь (проклятые крючки и шнуровки!), и когда с одеванием и причёской было покончено, не забыла одарить Ефросинью рублём.

— Купи, что хочешь, да вспоминай меня добрым словом. — Вроде бы получилось как раз в духе этого времени.

— Благодарствую, барышня! — Растроганная прислужница едва не прослезилась. — Свечечку непременно куплю, да поставлю вам за здравие! Пусть на новом месте у вас всё сложится!

— Пусть! — с неожиданной от себя горячностью присоединилась я, а затем посмотрела на сундук, со вчерашнего дня стоявший посреди комнаты: — А с ним что?

— Не извольте беспокоиться, — заверила Ефросинья. — Мужики сами спустят да в кибитку положат.

Я кивнула и отправилась завтракать.

Фёкла вновь накормила меня, как Кролик — Винни Пуха (правда, в проём кухонной двери я всё же прошла). И так же как Ефросинья, расчувствовалась от подаренной монетки. Клятвенно пообещала всегда поминать меня добрым словом в молитве, и я не могла не улыбнуться по-доброму: с двумя такими просительницами высшие силы обязаны были проявить ко мне снисходительность.

А затем доложили, что обещанная графом кибитка, равно как он сам, прибыли в имение. Я в последний раз поднялась в Катину комнату, проверила, всё ли взяла, и спустилась во двор.

Там уже царила обычная предотъездная суета: дворовые под лошадиное ржание грузили мой невеликий скарб и погребок (оказывается, так назывался специальный сундучок с едой). Привязывали к кибитке сменных лошадей, о чём-то переговаривались с мужиками из графского отряда (которых, кстати, тоже было трое). Сам же Мелихов стоял чуть в стороне, наблюдая за этим броуновским движением, однако не вмешивался: видимо, все всё делали правильно.

Но стоило ему заметить меня, как присмотр за сборами был отставлен. Граф подошёл, раскланялся в положенном приветствии и риторически уточнил:

— Готовы ехать, Екатерина Васильевна?

— Готова, господин граф.

Должно быть, такой официоз звучал странно: мы ведь предполагались женихом и невестой. Тем не менее Мелихов меня не поправил, а значит, всё было в порядке вещей.

— Что-то Марфа Ивановна не выходит. — Он окинул взглядом окна. — Её отношение к вам понятно, но проводить всё же могла бы.

И хотя относилась я к Кабанихе не очень (мягко говоря), справедливости ради следовало предложить и иное объяснение.

— Она плохо себя чувствовала после вчерашнего. — Я говорила самым непредвзятым тоном. — До самого вечера не выходила из комнаты.

— Вот как, — проронил Мелихов. — Что же, будем надеяться, она скоро оправится. — И, отставив тему Кабанихи, продолжил: — Позвольте, я представлю вам начальника сопровождающего вас отряда. По всем вопросам обращайтесь к нему.

Он повелительно взмахнул рукой:

— Тихон! — и от суетившихся вокруг кибитки людей немедленно отделился высокий и широкоплечий мужик.

Вид у него, прямо скажу, был разбойничий. Неопрятная чёрная борода, всклокоченная грива волос «перец с солью», пронизывающий тёмный взгляд из-под кустистых бровей. Из

общего впечатления выбивались только прямая как палка спина и по-военному чёткий разворот широких плеч.

«Служил, что ли?» — промелькнула у меня мысль.

А Тихон, приблизившись, без энтузиазма поклонился и сиплым низким голосом произнёс:

— К вашим услугам, барышня.

— Доброе утро. — Я изобразила улыбку, однако решила, что просить его о чём бы то ни было стану, пожалуй, в самом крайнем случае.

— Тихону я доверяю, как себе, — продолжил Мелихов. — Потому уверен: с ним вы доберётесь до Катеринино в целости.

«Хорошо бы», — хмуро подумала я, растягивая губы в очередной улыбке.

— Скоро готово будет? — между тем обратился Мелихов к Тихону, и тот отозвался:

— Да уж почти собрались, барин.

Граф кивнул, жестом отпустил прислужника и, понизив голос, обратился ко мне:

— Денег на дорогу я Тихону дал сполна, но вот, — он достал из-за борта сюртука кошелёк, — возьмите и вы на всякий случай.

— Благодарю. — Я была не на шутку удивлена. — Очень благородно с вашей…

И осеклась, почувствовав, что говорю не совсем то. Неловко взяла кошелёк (увесистый, кстати) из рук Мелихова и окончательно стушевалась, услышав серьёзное:

— Вы моя будущая жена. Если бы я мог поехать с вами, в подобном не было бы необходимости, но увы. Главное, не показывайте деньги при посторонних — мало ли что кому в голову взбредёт.

— Не буду, — пообещала я.

Спрятала кошелёк в сумочку-мешочек у пояса и с трудом подавила желание зябко обхватить себя руками.

Да, отъезд из Кабанихиного дома был спасением, а люди, которым предписали меня сопровождать, — такими же незнакомцами, как большинство в этом мире и времени. И всё же я чувствовала себя космонавтом, отправляющимся в полную неизвестность равнодушного космического пространства.

— Я провожу вас до границы уезда, — напомнил Мелихов, с неожиданной чуткостью считав моё состояние. — И поверьте, дорога будет скорее скучной, чем опасной.

— Даст Бог, — коротко откликнулась я, следя за последними приготовлениями к отъезду. Вот сейчас Тихон доложит: «Готово, барин!» — и настанет пора забираться в кибитку.

Но тут моё внимание отвлеклось на замеченную краем глаза суету на крыльце дома. Одновременно с Мелиховым мы повернулись в ту сторону и увидели Кабаниху.

Барыня тоже вышла меня проводить.

Глава 18

Ночь и вчерашние полдня отдыха не помогли Кабанихе восстановиться. Глаза её всё так же глубоко западали в глазницы, морщины казались начерченными углем, а кожа щёк и шеи некрасиво обвисала. Нездорово желтоватый цвет лица лишь подчёркивало глухое чёрное платье, которое сегодня надела барыня. Но самым показательным, пожалуй, была трость из эбенового дерева, на которую Кабаниха заметно опиралась.

— Доброе утро, Марфа Ивановна. — Мелихов, как настоящий дворянин, сам подошёл к ней, вынудив и меня последовать его примеру.

— Утро, господин граф, — скрежетнула Кабаниха. — А уж насколько доброе, не мне судить.

Игнорируя моё невнятное приветствие, она устремила взгляд мимо — на кибитку.

— Смотрю, готово уже? Отправляться пора?

— Да, Марфа Ивановна, — сдержанно подтвердил Мелихов.

Кабаниха тяжело наклонила голову и наконец посмотрела на меня — натурально, как солдат на вошь.

— Ну, Катерина, отправляйся. Ловко ты всё провернула: столько лет безропотной овечкой прикидывалась, а как случай подвернулся — не упустила своего. Ну да Бог тебе судья.

Барыня прервалась, чтобы набрать воздуха для продолжения тирады, и я не совладала с искушением вклиниться.

— И вам Бог судья, Марфа Ивановна. Пусть воздастся за всё: и за плохое, и за хорошее.

В потухшем взгляде Кабанихи сверкнула прежняя молния.

— Не пожалейте, господин граф, — произнесла барыня. — Покуда не венчаны, можно ведь и передумать. Лизка теперь будет тише воды, ниже травы…

— Простите, но это бесполезный разговор, — сухо прервал её Мелихов. — И если на этом всё, то позвольте проститься.

— До свиданья, господин граф. — Кабаниха решительно не желала сдаваться. — Я верю, вы поймёте…

Она неудачно вдохнула, закашлялась, а когда более или менее отдышалась, я твёрдо сказала:

— Прощайте, Марфа Ивановна.

Хотела добавить едкое: «Можете не благословлять», — но решила всё же расстаться мирно.

— Всего доброго. — Мелихов дипломатично выбрал нейтральный вариант прощания. — Как и уговорено, ваши прислужники вернутся дней через десять.

Кабаниха слабо махнула рукой, и мы с графом сошли с крыльца. Мелихов по-джентльменски помог мне забраться в кибитку, кожаный полог которой по случаю хорошей погоды был сдвинут назад. Пока я усаживалась, заодно с интересом осматриваясь в экипаже, на козлы взобрался Тихон, а остальные прислужники вскочили на лошадей.

— Открывай ворота! — понеслось над двором.

Заскрипели петли, ударили по твёрдой земле копыта. Кибитка качнулась и неторопливо поплыла вперёд, унося меня от несправедливости и чужой злобы в неизвестность.

***

Пожалуй, единственной моей претензией к началу путешествия была тряска. Складывалось впечатление, что рессоры в кибитке считались уделом слабаков, и потому каждую колдобину и каждый ухаб я прекрасно ощущала собственным седалищем. Конечно, Мелихов (дай Бог ему жену хорошую) позаботился о подушках и пледах, чтобы сделать поездку более комфортной. И не его вина, что на просёлке девятнадцатого века помогало это почти никак.

Зато день обещался отличный: тёплый, солнечный, совсем не осенний. Наш отряд мерно пылил по дороге, петлявшей между сжатых полей. Деревья в редких рощицах ещё щеголяли зелёной листвой, лишь кое-где оттеняя её первым золотом. Едва уловимо пахло дымом; до слуха изредка доносилась птичья перекличка.

— Ехать будете не быстро, — говорил Мелихов, чей конь рысил вровень с кибиткой. — Лошадей нужно беречь. Можно было бы взять подорожную и отправить вас на перекладных, но для нервов это куда затратнее. Ругань на станциях, долгое ожидание, дурные лошади, взяточники смотрители… Будь я с вами, с этим можно было бы смириться, но в одиночку подобное стало бы серьёзным испытанием даже для такой барышни, как вы.

«Какой такой?»

Однако я, естественно, не спросила, и Мелихов продолжил рассказ — теперь уже о маршруте путешествия.

— В день будете проезжать не больше ста вёрст, на ночёвку останавливаться на постоялых дворах. Все заботы на Тихоне, можете не тревожиться. Если погода будет стоять сухая, до имения доберётесь дней за пять. Если задождит, то времени потребуется больше, но не дольше недели.

Я кивала, слушая перечисление основных дорожных пунктов, через которые должна была проехать, и не могла не отмечать, что чем дальше, тем больше баллов в моих глазах зарабатывает граф. Чёрт его знает, что там за история со срочной женитьбой, но его отношение ко мне, как к «человеку разумному», а не к «глупенькой барышне», говорило о многом.

Жаль только, что в какие-либо города заезжать не предполагалось, и значит, отправка Лизиного письма была под большим вопросом.

«И зачем я его взяла? — вздыхала я про себя. — Вот же не было хлопот! Может, получится отправить его с какой-нибудь станции? Дать смотрителю денег, а дальше уже его заботы. Не отправит, так не отправит. Пользы в этом послании всё равно никакой».

А дорога всё бежала и бежала, и вот впереди уже показались крыши деревеньки, у которой Мелихов, как и предупреждал, должен был со мной распрощаться.

Глава 19

— Дел у меня — дня на три-четыре.

Интересно, почему тогда нельзя было отложить отъезд молодой жены на этот срок? Мелихов ведь собирался и Лизу так отправить — в сопровождении прислужников.

— Как завершу, без промедления отправлюсь на перекладных в имение. Но вы не ждите меня: вникайте в дела, а если что-то срочное — принимайте решение сами. Я доверяю вашей рассудительности. Общую же стратегию обсудим, когда я приеду в Катеринино.

Ну, здесь ничего неожиданного, кроме карт-бланша сразу начинать рулить.

— Что до нашей свадьбы: я договорюсь о венчании сразу же по приезду. Не будем с этим затягивать.

А вот я бы потянула. Меня всерьёз тревожила неизвестность с беременностью: подставлять Мелихова чертовски не хотелось, особенно при уговоре насчёт фиктивного брака.

«Сейчас рассказывать в любом случае не буду, — размышляла я, внимательно слушая мелиховское напутствие. — Но вот в имении, пожалуй, признаюсь в своих подозрениях. Пусть нанимает экономкой. И даже если отправит на фиг, я в любом случае уже вырвалась от Кабанихи. Не пропаду».

— Лёгкой дороги, Екатерина Васильевна.

— Благодарю, граф. И вам успешно завершить все ваши дела.

Мелихов молча склонил голову, принимая пожелание. Проехал чуть вперёд и бросил Тихону:

— Головой отвечаешь.

— Не извольте беспокоиться, барин! — лихо отозвался тот.

Тогда Мелихов в последний раз обвёл взглядом наш отряд, отрывисто кивнул и сделал жест: езжайте, мол, дальше. Сам же остался стоять: мы как раз взобрались на вершину высокого холма, откуда можно было долго следить за движением отряда. И когда минут через десять я выглянула из ползущей по равнине кибитки, то увидела чёткий силуэт всадника — словно памятник, поставленный неизвестному герою.

«Дворянин и офицер. — Я непонятно отчего вздохнула, возвращаясь на сиденье. — А Лизка — дура. Ох, какая же дура! И пофиг на все его тайны».

***

Как и было запланировано, на ночлег остановились ещё засветло. Постоялый двор, предоставивший нам кров, не тянул даже на три звезды, однако, несомненно, был лучше ночёвки в поле. Тихон договорился, чтобы ужин мне подали в номер (полутёмную комнатушку на вто-

ром этаже), и, подкрепившись, я сразу же легла в надежде дать телу получше отдохнуть. День тряски оказался непростым испытанием, а ведь он был только первым.

Но несмотря на усталость, спала я плохо: сказывались незнакомое место и ноющие мышцы. А перед рассветом из неверной дрёмы меня выдернул стук в дверь: пора было пускаться в путь.

Второй день стал гораздо скучнее первого: без Мелихова было не с кем словом перекинуться. От нечего делать я начала вспоминать и петь про себя разные песни. Особенно шла на ум песенка про дороги из фильма «Гардемарины, вперёд!», и я сама не заметила, как принялась мурлыкать:

— И у чёрта, и у Бога на одном, видать, счету ты, российская дорога, — семь загибов на версту!

— Поёте, барышня? — вдруг обернулся ко мне Тихон, доселе ограничивавшийся лишь понуканием лошадей.

— Да. — Я слегка смутилась. — Немножко.

— А вы спойте громче, — попросил Тихон. — Вроде весёлая у вас песенка-то.

«Да, без магнитолы на дальняк ездить тяжело», — невольно улыбнулась я в мыслях. Быстро пробежалась в уме по тексту: вроде бы ничего не соответствовавшего времени в песне не было. И уже в полный голос запела:

— Конь да путник, али вам и туго? Кабы впрямь в пути не околеть. Бездорожье одолеть — не штука, а вот как дорогу одолеть?

Песня привлекла внимание: мужики, доселе скакавшие впереди кибитки, притормозили; те же, кто ехал позади, наоборот, послали лошадей вперёд. Когда же я закончила, Демьян даже крякнул:

— Эк вы, барышня, петь умеете! У барыни так не пели!

Упс. Штирлиц снова оказался в шаге от провала?

— Вы спойте ещё раз, — попросил Лука, тоже из Кабанихиных прислужников. — Такую прям запомнить охота.

И я спела во второй раз, а в третий мне уже подпевал нестройный хор, и лошади недовольно прядали ушами на импровизированный концерт.

Затем петь взялся Тихон — неожиданно хорошо. Демьян тоже оказался в голосе, и до самого обеденного привала на большой почтовой станции наш отряд ехал с музыкой.

***

Поскольку путешествовали мы на своих, ждать, покуда нас обслужат на станции, необходимости не было. Тем не менее мы провели там около двух часов — давали отдых не столько себе, сколько лошадям. За это время я успела пообедать, размяться и даже избавиться от всученного Лизой письма.

— Шестьдесят копеек, — сурово сказал смотритель, когда я наконец улучила момент, в который он был ничем не занят и в его будке не было лишних глаз и ушей.

— Конечно-конечно! — Я торопливо выдала ему нужную сумму. — Спасибо вам большое!

Смотритель важно кивнул, налепил на конверт марки и небрежно бросил письмо в стопку корреспонденции на стуле у стены.

«Затеряется, и фиг с ним!» — повторила я про себя.

Потянула дверь будки, намереваясь выйти, и внезапно нос к носу столкнулась с Тихоном.

— Барышня? — нахмурился он. — Не так что?

— Всё так! — с чувством заверила я. — Это я просто уточнила кое-что!

И, проскользнув мимо прислужника, заспешила к кибитке.
Интересно, попала я за свою доброту или пока нет?

Глава 20

Увы, наверняка выяснить это у меня не получилось. Если Тихон и интересовался у смотрителя, зачем заходила барышня, мне он об этом слова не сказал. И в дальнейший путь мы пустились, будто эпизода и не было никогда.

Два дня кибитка тряслась по почтовым дорогам, измотав меня и телесно, и морально. Теперь я понимала, отчего большинство наших предков особенно никуда не путешествовали: если не было склонности к перемене мест, то для того, чтобы пуститься в столь выматывающий путь, требовалась по-настоящему веская причина.

И когда на пятый день отряд свернул с «федеральной трассы» на просёлок, который спустя сутки должен был привести нас в Катеринино, только мысль «ну, кисонька, ну чуть-чуть осталось» помогала мне держаться.

Тогда я ещё не представляла, насколько лёгок наш путь по наезженным сухим дорогам и дневному теплу. Однако очень скоро осознала это в полной мере.

***

К Дону мы подъехали где-то в обед. Предполагалось сделать привал на живописном пологом берегу с видом на впечатляющие меловые склоны, затем перебраться через реку по мосту и двинуться дальше «согласно утверждённого маршрута». Но если и виды, и удобная для стоянки роща, и Дон-батюшка с его стальными водами и быстрым течением имелись, как полагалось, то с мостом вышел прокол.

— Это как же так?

Растерянный Тихон стоял на берегу, заломив назад картуз, и смотрел на торчавшие из воды тёмные обломки свай — всё, что осталось от переправы.

— Наверное, в половодье смыло, — предположил не менее растерянный Демьян.

— И что, за лето не собрались починить? — риторически отозвался Тихон. — Тьфу, ироды жопо…

Тут он вспомнил, что я всё слышу, и оборвал ругательство. С лёгкой виноватостью покосился в мою сторону и продолжил уже конструктивом:

— Ладно, тут нам не перебраться. Кузьма! Ты вроде из здешних мест. Знаешь другую дорогу?

Кузьма, кряжистый и русоволосый, огладил бороду лопатой и «с чувством, с толком, с расстановкой» произнёс:

— Брод должон быть вёрстах в десяти по течению. Надоть воротиться до последней росстани, и там налево взять.

— Значит, пятнадцать вёрст крюк. — Тихон недовольно прицокнул языком и посмотрел на небо. — До Степанихино засветло не доберёмся.

— Туда, как ни кинь, по светлому не добраться, — заметил Демьян. — Слышь, Кузьма! А поближе жильё какое найдётся? Чтоб не в поле барышне ночевать?

Кузьма вновь огладил бороду — похоже, это был его характерный жест, означающий раздумье, — и ответил:

— Хутор должон быть, Новосёловка. Вот как брод переедем, так ещё вёрст двадцать — и он.

— Всё равно по темноте, — покачал головой Тихон. — Но деваться некуда. Поворачиваем!

«А обед?»

К счастью, я удержала малодушное восклицание. Ситуация явно форс-мажорная, а значит, надо было скрепить всё, что можно, и попытаться отыграть время.

Мы вернулись к последнему перекрёстку и свернули, куда подсказал Кузьма. Эта дорога была накатаннее — похоже, по ней-то все и ездили. И в принципе, можно было немного выдохнуть, если бы не новое обстоятельство: небо на западе на глазах темнело приближавшейся непогодой.

— Как начались бедки, так одна за другой, — услышала я ворчание Тихона.

Остальные прислужники тоже то и дело привставали на стременах, с тревогой глядя в ту сторону, куда неумолимо ползло солнце.

«А так хорошо путешествовали!» — перспектива попасть под ливень (а может, и ночевать под ним, если не найдём эту Новосёловку) мгновенно сгладила все прежние трудности дороги.

Но что мы могли сделать? Только подгонять лошадей.

***

До брода повезло добраться без дождя, хотя небо неуклонно затягивали тучи. Кибитка пересекла реку, в какой-то момент едва не застряв на середине. К счастью, Демьян и Лука оперативно спешились и по пояс в воде подтолкнули экипаж. Мы выбрались на противоположный берег и, не тратя время на обсыхание, двинулись дальше.

Шквал налетел, когда мы подъезжали к сосновому лесу. Взметнул тучи пыли, захлопал отвязавшимся краем кожаного тента кибитки.

— Н-но, залётные! — Тихон стегнул лошадей вожжами. — К лесу, к лесу давайте!

«Толку от этого леса! — пронеслось у меня в голове. — Ещё дерево как свалится на кибитку! Или молнией шарахнет».

И только потом до меня дошло: именно поэтому Тихон хочет миновать бор как можно скорее. Пока нас не настигла буря.

Отряд ворвался под лесные своды, и сразу как-то потемнело. Сосны тревожно шумели в вышине и опасно качались, посыпая сором — хвоей, старыми шишками, кусочками коры.

«Ох, блин, приключение! — Меня так подбрасывало на сиденье, что несколько раз я чудом удержалась от падения. — Только бы успели на простор выскочить! Только бы успели!»

И нам повезло — хоть в этой малости. Впереди, наконец, показался просвет, и вскоре грохочущая кибитка вырвалась на холмистый степной простор.

Дорога стала как будто ровнее, и я осмелилась отвлечься на что-то, кроме стараний усидеть на месте. Быстро выглянула из кибитки назад и тут же спряталась. Из-за леса на нас двигалась такая чернота, что жуть брала.

Зарокотал гром — пока в отдалении. Ветер теперь бил в спину, придавая нам дополнительное ускорение. Но сколько бы он и мы ни старались, тучи всё равно шли быстрее.

Молния. Ещё одна. Два громовых раската, слившихся в один. Пылевой смерч впереди — к счастью, рассыпавшийся, прежде чем до него доскакали конники. Первые тяжёлые капли, блямбами упавшие на козлы рядом с погоняющим лошадей Тихоном. Ещё вспышка — сиреневый зигзаг отпечатался на сетчатке, — а затем такой удар грома, что испуганные лошади чуть не перевернули экипаж.

«Ой, бли-и-ин!» — Я всё же не удержалась и больно ударилась виском в деревянную раму кибитки.

А по крыше уже вовсю лупили дождевые капли, и не бойся я вылететь из экипажа на фиг, обязательно постаралась бы раскатать кожаный фартук, чтобы защитить себя от ливня.

«Похоже, попали», — мелькнула мысль.

И тут я увидела несущегося навстречу Демьяна, с трудом перекрикивающего царящий шум.

— Хутор! Хутор впереди!

Глава 21

Такую радость, наверное, чувствовали мореходы Колумба, после многомесячного плавания услышав «Земля!».

— Вперёд давайте! — гаркнул Тихон. — Стучите, чтоб на постой взяли!

Демьян и скакавший следом Лука без промедления развернулись, а Тихон встал на козлах и так засвистел, подгоняя лошадей, что Соловей-разбойник позеленел бы от зависти.

«Ещё немного, ещё чуть-чуть!»

Холодные капли секли по лицу, заливали глаза. Понятия не имею, что умудрялся видеть Тихон, но мне было откровенно страшно. Неудачная колдобина, раскисшая грязь, сильный удар грома или вспышка молнии — и ДТП нам было гарантировано.

Что в этом времени означало в лучшем случае перелом руки или ноги, а в худшем — шеи.

Но, хвала всем высшим силам, обошлось. Из пелены дождя перед нами внезапно выросла тёмная плетёная ограда с широко распахнутыми воротами. Кибитка влетела в неё, и несчастные лошади наконец услышали долгожданное «Тпр-ру!».

Однако успокаиваться пока было рано.

— Тихон, беда! — К едва остановившейся кибитке подскочил Демьян. — Хутор пустой!

— Как пустой? — опешил Тихон. — Совсем?

— Ни людей, ни скотины! — подтвердил прислужник. — Дома заколочены. Ворота, вон, еле открыли — воротины в землю вросли!

Тихон крепко ругнулся, на этот раз не оглядываясь на моё присутствие. А вслед за этим так громыхнуло, что все пригнулись.

— Господи, прости! — быстро перекрестился Тихон и с излишней жёсткостью постановил:

— Всё равно остаёмся. Ночью в бурю в степи нечего делать. Какой дом получше?

Демьян почесал в затылке и махнул в сторону:

— Вон там вроде староста жил.

— Тогда давай туда. — И вернувшись на козлы, Тихон направил лошадей следом за торопившимся и оттого то и дело оскальзывавшемся в грязи прислужником.

Дом старосты (если, конечно, это был он) встретил нас покосившимся крыльцом, темнотой сеней и сыростью, дохнувшей из открывшегося провала на месте выбитой двери.

— Огонь развести, да поживее! — резко распорядился Тихон. — На дрова хоть сарай, хоть курятник рубите — всё равно хозяев здесь нет. И дверь назад приладьте. А я да Кузьма покуда лошадьми займёмся.

Тут он повернулся ко мне и уже другим, более почтительным тоном сказал:

— Вы, барышня, заходите да место у печки занимайте. Сейчас быстро всё протопится.

— Хорошо. — Я растянула закоченевшие губы в вежливой улыбке. — Спасибо.

Однако всё равно замялась на пороге, сомневаясь, стоит ли соваться внутрь без света. К счастью, на крыльцо взбежал Лука, держащий в руке зажжённый фонарь, и уже вместе с ним я почти со спокойной душой вошла в дом.

Здесь и впрямь давно не жили: полотнища паутины по углам, пыль, стылость.

— Сюда присядьте, барышня. — Лука заботливо протёр рукавом лавку вдоль белёной русской печи. — Счас затопим всё.

Я, без толку кутаясь в промокшую шаль, послушно опустилась на указанное место, а прислужники развернули кипучую деятельность. Подвесили фонарь на вбитый в потолок крюк, где-то раздобыли вполне себе сухих дров и затопили печь. Смахнули пыль и паутину, принесли из кибитки погребок с провиантом, и Демьян, как признанный кашевар, занялся ужином.

От постепенно прогревавшихся кирпичей печи шло приятное тепло, громовые раскаты и барабанная дробь капель в маленькие окошки теперь наоборот навевали уют. Запах сырости сменили запахи пота и готовящейся еды; у печи сохли развешенные куртки. Прислужники то заходили, то выходили, а на меня всё сильнее наваливалась усталость. Не было даже сил подумать, как я буду спать в одной комнате с шестью мужчинами (жуткий моветон и крах репутации, если разобраться). Прислонившись виском к печке, я всё глубже погружалась в дрёму. Звуки голосов сливались в однообразный шум, он отдалялся, отдалялся… И вдруг меня легонько тряхнули за плечо.

— Вы это, барышня, — Демьян смотрел с нескрываемым сочувствием, — ступайте в светёлку. Мы там кой-какой порядок навели, тюфяки из кибитки притащили. Отдыхайте покуда, а как похлёбка сготовится, я вам принесу.

— Спасибо, Демьян, — меня затопило искренней благодарностью. — А светёлка — это где?

— А вот из сеней лесенка наверх, — объяснил прислужник. — Давайте доведу.

И он действительно проводил меня до лестницы, хотя идти туда было всего ничего. Вручил зажжённую свечу и даже проследил, что я благополучно взобралась по ступенькам до открытого люка в потолке.

Светёлка оказалась небольшой комнатушкой с низким потолком, но достаточно большим окном. Здесь было гораздо холоднее, чем в общей комнате (ещё бы, без печки!), зато спокойно и обособленно. А поскольку из кибитки мне принесли не только тюфяки, но и пледы, замёрзнуть я была не должна.

Поставив свечу рядом с импровизированной постелью, я разулась, ослабила шнуровку платья и с блаженным вздохом улеглась. Закуталась в пледы так, чтобы один нос торчал, задула свечу и вскоре задремала под усыпляющий шорох капель по крыше.

Разбудило меня аккуратное прикосновение к щеке.

«Демьян?» — сонно подумала я. Открыла глаза и внутренне заорала от неожиданности.

Внутренне — потому что внезапно не смогла не только издать и звука, но и пошевелить хотя бы мизинцем.

— Ну, не ори, не ори, — успокаивающе сказало разбудившее меня мохнатое существо, размером чуть больше кошки. — Я ж не со злом к тебе. Мне кой о чём с тобой побалакать надо.

Глава 22

«Господи, кто это?!»

Темнота в комнате стояла не совсем кромешная — окно всё же давало слабый свет. И в нём существо казалось сгустком тьмы с двумя глазами-плошками, по-звериному отсвечивавшими зелёным.

— Эк вы там в городах позабывали всё! — возмутилось оно на мой мысленный, на минуточку, вопрос. — Суседко я. Доможил-домовой. Как не признать-то можно?

«Домовых не существует!» — выпалила я и заткнулась.

Тогда кто это передо мной? Глюк? Сон?

— М-да, — прокомментировало существо несколько обиженным тоном. — Девка ты, конечно, не самая умная, но хотя бы рассуждать умеешь. Ладно, слухай сюды, чего мне от тебя надобно…

И тут (слава тебе, боженька!) лестница в светёлку заскрипела под чьим-то весом, а оставленный незакрытым люк осветило колеблющееся пламя свечи.

— Тьфу, ирод! — ругнулось существо. — Вечно не вовремя!

И исчезло. Вот буквально: было — и нет.

— Спите, барышня? — из люка показалась голова Тихона, и я проблеяла в ответ:

— Н-нет, не сплю.

Зашевелилась (какое счастье снова чувствовать власть над телом!), села и уставилась на поднявшегося прислужника, как на рыцаря-освободителя.

— Я тут похлёбку вам принёс. — Тихон аккуратно поставил рядом со мной маленький металлический котелок, из которого торчала деревянная ручка ложки. — Вы как, не мёрзнете?

— Нет, — ко мне возвращались более или менее естественные интонации. — Спасибо.

— Я вам тогда свечу зажгу. — Говоря это, прислужник поджёг стоявшую рядом с тюфяками свечу от своей. — И вот, — на пол лёг коробок спичек, — мало ли зачем понадобится.

— Спасибо. — Я понимала, что как попка-дурак твержу одно и то же, но никак не могла решиться рассказать, что со мной только что случилось.

Вдруг (или даже наверняка) Тихон не поверит? А если поверит, чем сможет помочь? Вернуть меня в комнату к полудюжине мужиков? Ночевать рядом? Как будто домового это остановит!

— Да не за что. — Между тем прислужник собрался уходить. — Котелок пусть тут до утра остаётся. А вы, если что понадобится, будите, не стесняйтесь.

— Хорошо. — Решившись, я открыла рот, чтобы продолжить и вопреки всем сомнениям поделиться страшным, но вновь не смогла выдавить из себя и писка.

— Ну, доброй ночи тогда, — пожелал Тихон, если и заметивший, что со мной что-то не так, то не придавший этому значение.

Исчез в провале люка, и я запоздало вскочила, намереваясь позвать его, рассказать, попросить… И, ойкнув, шлёпнулась обратно на пятую точку.

Передо мной, у самой границы светового круга, отбрасываемого свечой, сидело существо.

Теперь его можно было рассмотреть получше: мохнатый чёрный шар с глазищами на человекообразном личике, с единственным острым ушком и с не то заросшими шерстью ручками и ножками, не то лапками. Существо не двигалось, только смотрело на меня, не мигая. Но хотя в целом вид у него был совершенно не угрожающим, у меня аж кишки сводило от страха.

Домовой, он ведь нечисть. И задушить может, и просто избить, и что угодно. И ничего я ему не сделаю.

— Отче наш… — Это было самым идиотским, что можно было придумать, но других идей мне попросту не пришло в голову. — Иже еси на небесех…

И я заткнулась, не вспомнив следующую строчку. Существо вежливо подождало, а когда поняло, что продолжения не будет, не без осуждения резюмировало:

— Эх, городские! Ничегошеньки помните!

Затем сложило лапки на животе (если у него был живот) и милостиво позволило:

— Ладно, ты кушай, не стесняйся. На сытый желудок разговоры толковее.

Я судорожно втянула воздух, и существо с неожиданной понятливостью добавило:

— Ну, хорошо, хорошо. Побуду невидимым, чтоб тебя не смущать.

И опять растворилось в воздухе: было, и нет.

Я икнула. Посмотрела на котелок, от которого шёл аппетитный дух свежей еды, на место, где только что сидел домовой, и с неожиданной от себя резкостью и силой в голосе возразила:

— Нет уж, сначала поговорим. Что тебе от меня нужно?

Существо без промедления возникло на том же месте. Смерило меня оценивающим взглядом и начало:

— Мужики там, внизу, толковали, будто ты новая хозяйка какой-то усадьбы. Значится, завтра, когда будете уезжать, в последний момент забежишь в дом и скажешь: «Дом-домовой, пойдём со мной!». Затем возьмёшь из-под печки мешок и отвезёшь в своё имение. Только смотри, мешка не развязывай до тех пор, покуда в новом доме не окажешься! А как сделаешь это да положишь под печь краюшку от неначатого каравая, так я к тебе жить и переберусь.

Глава 23

«А если я так не сделаю?»

Я только подумала — вслух хватило ума не произносить. Однако домовой, как и в прошлые разы, услышал мыслеречь. И отреагировал.

Маленькое пушистое существо внезапно выросло, заполнив собой добрую половину светёлки. Сгорбилось, упираясь могучей спиной в потолок, недобро оскалилось, и я, не зная, как защититься, в ужасе швырнула в него котелком с похлёбкой.

Существо поймало снаряд с впечатляющей ловкостью, поставило на пол, не дав содержимому расплескаться, и сдулось до прежних размеров.

— Напужалась? — риторически спросило оно, и я не без удивления услышала в его голосе сочувственные нотки. — Ну, не пужайся, не буду больше. Просто сама пойми: заставить-то я тебя не могу, а помирать страсть как неохота.

— Почему помирать? — настороженно уточнила я и вдруг вспомнила когда-то и где-то читанное: забытый в пустом доме домовой постепенно угасает и умирает.

— Верно, — со вздохом подтвердило существо и пожаловалось: — Эх, не свезло мне с прежними хозяевами! Как бабка Лукерья померла, так совсем от рук отбились!

— Что значит «отбились»? — К владевшему мной страху примешалась толика любопытства. — Что, вообще, с хутором случилось, где все люди?

— Где-где. — Существо устало махнуло лапкой. — Собрались да уехали. В Сибирь.

В каком смысле, в Сибирь?

Я недоумённо вытаращилась на домового. Для меня фраза прозвучала, как будто весь хутор отправили на каторгу, но ведь такого просто не могло быть!

— Земля здесь бедная, — пояснило существо. — Урожаи плохие, а барину выкуп платить надобно. Сумей они, конечно, с полевиками да межевиками договориться, задобрить их как следует, глядишь, и стала бы землица рожать. А так только промучились. Год неурожай, второй. Ну и решили: хватит. Отказались от наделов-разорителей, собрали весь скарб, да отправились в Сибирь. Лучшей доли искать.

— А тебя оставили? — невольно посочувствовала я.

Домовой вздохнул.

— Угу. В других-то домах хозяева с понятием были, домовиков своих забрали. А у меня, — он вновь покачал головой, — горе одно. Ни слова доброго не дождёшься, ни подношения. А как начнёшь стучать да сор за шиворот сыпать, так ещё и ругаются! Одна бабка Лукерья ещё меня уважива́ла — из-за неё старался не сильно на дурней серчать. А как померла, так всё. Совсем совесть потеряли.

«Так вот почему они тебя брать не захотели! — осенило меня. — Натерпелись от твоих выходок!»

Домовой насупился — опять всё услышал. Потому я уже вслух, не стесняясь, сказала:

— Я тебя понимаю, только знаешь, как говорят? В любом конфликте всегда две стороны.

— Ты мне тут словесами учёными не умничай! — совсем обиделся домовой. — Нельзя нас, доможилов, бросать, хоть каковы мы по характеру! Задабривать нас надо, с почтением относиться, тогда и счастье в доме будет. И в старом, и в новом!

Мне вспомнился мультик про домовёнка Кузю, который тоже счастье в дом приносил, и я едва подавила истеричный смешок.

Кому тут счастье привалило? Похоже, мне.

— Правильно мыслишь, — важно подтвердил домовой. — Или тебе оно лишним будет?

— Счастье лишним не бывает, — по инерции ответила я, стараясь подальше затолкать мысль, что с таким скандальным «суседкой» дополнительное счастье под большим вопросом. — Ты лучше вот на что ответь: как ты будешь договариваться с тем домовым, который уже живёт в усадьбе?

— Ну, — собеседник почесал нос, — может, и не живёт. Мужики толковали, разруха там, а какой усадебник допустит разруху?

— Усадебник? — Что за новый термин?

В глазах-плошках домового явственно отразилось: эх ты, темнота неотёсанная! И он учительским тоном начал:

— Ты что же думаешь, один домовой с целой усадьбой справится? Не-ет, ему помощники нужны. Дворовые там, овинники, по дому опять же, кто-нибудь. Посему мыслю я: неладное что-то с тамошним усадебником. А если и ладное, что он местечка горемыке не отыщет?

— Да кто ж его знает, — пробормотала я. Очень мне не понравилось замечание насчёт разрухи в Катеринино: Мелихов меня ни о чём ужас-ужасном в имении не предупреждал.

Может, это и есть подвох? Или граф сам не особенно в курсе, что там творится?

— Ну чего? — нетерпеливо отвлёк меня домовой. — Согласна обряд провести и меня забрать?

«Можно подумать, у меня выбор есть», — хмуро подумала я и представила, какими глазами на меня посмотрят Тихон с остальными прислужниками, когда я выйду из дома с мешком.

— Он как пустой будет, — успокоил домовой. — Свернёшь да под шаль спрячешь, никто и не увидит.

Предложение было неплохим, однако кое-что мне не нравилось.

— А ты мог бы не читать мои мысли? — недовольно поинтересовалась я.

Домовой засопел.

— Могу. Только зачем?

— Затем, что мне это неприятно!

— Пф! — фыркнул домовой, однако встретился со мной взглядом и без желания согласился: — Ладно уж, не буду. Всё равно ты ни о чём интересном не думаешь.

Мне очень хотелось ответить, однако я удачно вспомнила свою фразу о сторонах в конфликте и решила не обострять.

Домовой же, почесав лапкой ушко, сказал:

— Ну, ты теперь как, успокоилась? Похлёбка, поди, остыла давно.

Похлёбка. Я потянулась за котелком, который столь опрометчиво использовала, как снаряд, и неожиданно сообразила одну штуку.

— Слушай, а ты голоден? Будешь похлёбку пополам?

Потому что каким бы вредным (а местами пугающим) домовой ни был, он фиг знает, сколько времени просидел один в пустом доме и заслуживал сочувствия.

Или не очень-то заслуживал, потому что…

— Благодарствую, хозяюшка!

В лапке домового откуда-то возникла блестящая ложка, и он без малейшего стеснения запустил её в котелок.

«Эй, куда без меня!»

Я торопливо придвинулась к посуде, однако суета была лишней. Домовой с аппетитом съел зачерпнутое и подвинул котелок мне с пояснением:

— Я ведь не человек, мне не столько еда, сколько уважение надобно. Ты уважила — сил сразу прибавилось. Потому, как на новое место приедешь, следи, чтобы каждый вечер под печь ставили свежее молоко и клали хлеб. Тогда в ладу жить будем.

Молоко и хлеб. Ничего особенного, на первый взгляд.

— Хорошо, буду ставить, — пообещала я.

Зачерпнула из котелка похлёбку, отправила ложку в рот — а вкусно! Пусть и не горячая уже.

И подумала: страха я, конечно, сегодня натерпелась, как ни разу за прошлую жизнь. Но ведь и приобрела за это, правда?

Очень хотелось бы верить.

Глава 24

Спала я плохо. Вроде и устала до состояния полутрупа, и дождь по крыше шуршал, и тепло под пледами было. Но, по всей видимости, лютый сегодняшний стресс даром не прошёл, и взъерошенные нервы категорически не давали мне уснуть глубоко. А с учётом того, что подняли меня в прямом смысле с первыми лучами солнца, из светёлки я выползла совершенной развалиной.

В качестве завтрака был холодный перекус: хлеб, лук, несколько ломтиков сала и белый квас.

— Не обессудьте, барышня. — Тихону было заметно неловко оттого, что он угощает меня столь простецкой едой. — Что Бог послал.

— Спасибо, — бледно улыбнулась я и как можно незаметнее припрятала кусочек от своего хлебного ломтя — для домового.

Ему ведь тоже сегодня в дорогу.

(— Тебя как звать-то, хозяйка новая?

— Екатерина.

— Врёшь. Хотя, может, и правильно. Нечего настоящим именем разбрасываться — мало ли что).

Странный ночной диалог сам собой всплыл в памяти, пробуждая вопросы, которые вчера я так и не решилась задать.

В каком смысле «мало ли что»?

Как домовой понял, что я чужачка в этом теле и времени? Или не понял?

Кем вообще он меня видит?

«Приедем в Катеринино, устрою допрос с пристрастием. Только бы добраться, наконец».

Я решилась задать вопрос о предстоявшей дороге Тихону и получила обнадёживающий ответ:

— Думаю, к вечеру будем. Просёлки после ливня развезло, конечно, и хорошо бы подождать, пока подсохнет, да здесь засиживаться неохота.

То, что пустой хутор прислужнику не нравился, было более чем естественно. Я и сама, несмотря на разбитость, стремилась уехать отсюда — в том числе чтобы поскорее оказаться, наконец, в имении.

«Не выйдет из меня путешественницы», — криво усмехнулась я сама себе.

Допила квас (лишь бы живот от этой штуки не вздумал бунтовать!) и сообщила Тихону:

— Я готова ехать.

— Тогда отправляемся, — кивнул тот. — Пойду проверю, что там с кибиткой.

Он оставил меня одну, чем я и воспользовалась. Торопливо сунула припасённый хлеб под печь (никакого мешка там, кстати, пока не было), а после тоже вышла на крыльцо.

Раннее утро было влажным и прохладным, с совсем осенними запахами сырой земли и прелой листвы. Небо радовало пронзительной ясностью, восток сиял золотом рождавшегося дня. Я дышала полной грудью, пусть и кутаясь в шаль, и проигрывала в уме, как стану действовать, чтобы забрать домового.

Из-за угла дома вышли Тихон и Демьян; остальные прислужники суетились у кибитки, впрягая лошадей и укладывая в неё вещи.

— Готово? — по обыкновению зычно спросил Тихон, и нестройный хор подтвердил, что да.

Тогда Тихон повернулся ко мне:

— Садитесь, барышня, — и я, вся подобравшись и жутко волнуясь, приступила к исполнению плана.

Подошла к кибитке и вдруг театрально всплеснула руками:

— Ах, потеряла! Обождите минуточку!

И прежде, чем кто-либо из прислужников поинтересовался, что именно потеряно, поспешила обратно в дом.

Дальше я всё выполнила быстро и чётко, словно порядком тренировалась. Произнесла ритуальную фразу-приглашение, залезла под печь, достала обещанный мешок (хлеба, кстати, уже не было), поспешно свернула его максимально компактным образом и спрятала под шаль. Затем сняла с шеи медальон с образком — единственное Катино украшение, которое, по легенде, оборонила в горнице — и вернулась во двор.

— Нашла! — Я довольно продемонстрировала Тихону «находку» и с его помощью забралась в кибитку.

Села на успевшее осточертеть несмотря на пледы, сиденье, и наш отряд без лишней суеты тронулся в путь, увозя с собой «безбилетного пассажира».

***

Ехать по грязи оказалось тем ещё мучением. Колёса кибитки то и дело вязли, и тогда кто-нибудь из мужчин спешивался и подталкивал экипаж. В паре особенно топких мест вообще пришлось рубить ветки, чтобы подложить своеобразный настил.

Но чем дальше, тем легче становилась дорога — то ли её высушивало солнце, то ли мы выезжали из области, где ночью прошёл дождь. И вот уже лошади везли кибитку с привычной скоростью — только подсохшая грязь на их шкурах, колёсах и бортах экипажа напоминала, откуда мы совсем недавно выбрались.

На обед нам повезло остановиться на берегу какой-то широкой, но мелкой речушки, которую в прямом смысле курица могла перейти вброд. Здесь прислужники более или менее отчистили себя и лошадей, а я размялась, побродив по низкому, густо заросшему травой берегу.

По всем прикидкам до Катеринино оставалось не больше сорока вёрст.

И мы их преодолели. Не отвалилось колесо (хоть и начало нещадно скрипеть после борьбы с грязью), не захромала какая-нибудь лошадь, не собралась непогода. Зато холмистые пустоши сменились убранными полями, окончательно отодвинувшими леса куда-то к горизонту. Мы ехали мимо деревень — на мой дилетантский взгляд, вполне не бедствующих. Встреченные крестьяне при виде кибитки и сопровождения без заминок ломили шапки, женщины кланялись, и все они провожали наш отряд полными любопытства взглядами.

Нетерпение разбирало меня всё сильнее, и Тихон, угадывая это, подозвал Кузьму, чтобы тот прокомментировал остаток дороги.

— Ento Кривоборье, — объяснил прислужник, указывая на крыши домов, которые мы оставляли по правую руку. — Счас будет лесок, а за ним ужо Катеринино. Деревенька невеликая — и двух десятков хат нету. А барский дом, тот в стороне стоит, почти на берегу Дона-батюшки. Вы его сразу заприметите — забор вкруг него из красного кирпича.

Я кивала, всматриваясь вперёд. И когда мы миновали лес, где сосны мешались с берёзами и украшенными рыжими гроздьями рябинами, в самом деле разглядела крыши, над которыми вились белые дымки.

«Почти приехали». — Но к радости этой мысли примешивалась и тревога: что ждёт меня в имении? Какой подвох?

Вот и обещанный кирпичный забор — высокий, метра в три, и совершенно глухой. А в нём — массивные запертые ворота, дерево которых потемнело от времени и погоды, однако всё равно выглядело крепким.

— Эй! — Подъехавший к воротам Демьян с силой ударил по створке кулаком. — Эй, открывайте! Барыня приехала!

Глава 25

Эффект от этого был, как в старом советском фильме: «Мёртвые с косами стоят, и тишина!» Не в прямом смысле, конечно, мёртвые, но тишина и впрямь была гробовая.

— Эй! — Демьян ещё раз шарахнул по воротам. — Открывай!

«…сова, медведь пришёл», — немедленно всплыло в памяти, и я подавила хихиканье.

Что-то меня на цитаты пробило — к чему бы? История с домовым сказывается или просто нервы сдают?

— Эй!

Третий удар наконец-то возымел действие. За воротами послышался шум, и чей-то старческий голос угрожающе вопросил:

— Хто там шляется?! Ух, счас собак спушшу!

— Открывай, дед! — зычно вступил в разговор Тихон. — Барыня приехала!

— Барин? Какой барин? Ежели опять Черногорцев, так пусть обратно уезжат!

Черногорцев? Новая фамилия. Кто он такой и какое отношение имеет к Катеринино?

— Барыня! — рявкнул уже донельзя раздражённый Демьян. — Невеста его сиятельства! Открывай, старый глухарь, пока добром просят!

Вот это до собеседника дошло.

— А-а, барыня! — За воротами что-то лязгнуло. — Барыню мы ждём! А как же!

И правая створка, громко стеная и жалуясь, начала отворяться. В проходе стал виден пожилой, старомодно одетый прислужник, который моментально проассоциировался у меня со стариком Фирсом из «Вишнёвого сада». Спешившиеся Демьян и Лука бросились ему помогать, и вскоре перед нами открылся вид на широкую, засыпанную гравием дорогу, двухэтажное белёное здание, построенное в стиле классицизма, вдалеке и неработающую чашу фонтана на площадке перед ним.

— Добро пожаловать, барыня! — Старик подслеповато сощурился на кибитку и отвесил мне неловкий (я бы даже сказала, скрипучий) поклон. — Не серчайте, что не признал сразу. Просто ходют тута всякие, через день гонять от ворот приходится.

— Здравствуйте. — Несмотря на обычаи этого времени, я не смогла ему «тыкнуть». — А кто ходит?

— Всякие, — уклончиво повторил старик и подвинулся с дорожки. — Милости просим, господа хорошие!

И наш отряд наконец-то въехал в ворота имения.

Стоило мне рассмотреть барский дом поближе, как сразу стало ясно, почему о Катеринино отзывались словом «разруха». Нет, дыры в стенах, конечно, не зияли, но окна второго этажа, например, все были плотно закрыты деревянными ставнями, а на стенах во многих местах облупилась штукатурка. Широкое крыльцо засыпало сором, да и в дверь Тихону пришлось стучать почти столько же, сколько перед этим в ворота.

Наконец резная створка осторожно отворилась. Из дома выглянула рябая девица в крестьянской одежде и, увидев меня, всплеснула руками.

— Барыня! Прибыли наконец-то!

— Кланяйся, дура! — рыкнул на неё Демьян, и девица поспешила отвесить мне поклон в пол.

Затем отступила, пошире открыв дверь, и я не без волнения вошла в (свой новый?) дом.

Полумрак, пылинки в лучах, с трудом пробивавшихся через давно не мытое окно, стоялый воздух с неприятным привкусом плесени. Холл был пустым, большим и гулким, и мне вдруг захотелось крикнуть «Эй!», пробуждая в его стенах эхо.

— Вы, барыня, поди, устали с дороги? — суетилась вокруг меня прислужница. — Счас печку у вас в комнате растоплю, да, может, вам покушать принести? Особого, правда, ничего нет: кашка осталась, да хлеб утром пекли. Но уж завтра мы с Агафьей расстараемся!

Под эту болтовню она увлекала меня из холла по поскрипывающему половицами коридору, пока наконец не остановилась перед какой-то дверью. Распахнула её:

— Вот, барыня! — и я перешагнула порог неожиданно светлой комнаты.

Два окна её выходили на юго-запад, что, кроме света, давало относительное тепло. Стены были сочно-зелёными, мебель — массивной и какой-то потёртой, чугунная печурка украшена изразцами, на полу — ковёр.

Пока прислужница занималась печкой, я медленно обошла комнату. По сравнению с комнатушкой Кати в Кабанихином доме, это были настоящие хоромы, меблированные от широченного шкафа до пуфика перед высоким трюмо. Вот только у меня складывалось впечатление, что мебель сюда натащили из разных гарнитуров: круглый стол и стулья намекали на «дорогобохато» в стиле Луи Четырнадцатого, шкаф был суров и сумрачен, как германский гений, а кровать с её столбиками, высоким изголовьем и тяжёлым бархатным балдахином на толстой раме так и просилась назваться готичной.

Между тем прислужница закончила с печкой, выпалила:

— Я, барыня, мигом! — однако из комнаты выскочить не успела.

— Стой! Как тебя зовут? — Не эй-тыкать же ей, когда понадобится обратиться?

— Даринка, барыня. — Прислужница на всякий случай отвесила ещё один поклон.

— А Агафья — кухарка?

— Агась.

— А привратника зовут?..

— Ермолаем кличут.

Вот и познакомились.

— Я Екатерина Васильевна. — Дичь, конечно, называться по имени-отчеству, но так уж здесь принято. — Ещё кто-нибудь из прислуги здесь живёт?

— Нет, барыня. — Даринка почему-то шмыгнула носом. — Как барин Карла Филипповича выгнал, так больше никого не нанимал.

Что ещё за Филиппович? Я повторила вопрос вслух и получила, в общем-то, ожидаемый ответ:

— Управляющий, барыня. Ну, бывший.

И, очевидно, вор — не зря же Мелихов заклеймил всю их братию.

— Понятно. Принеси тёплой воды, чтобы умыться, а к ужину — непочатый хлеб, чай и молоко. И скажи, чтобы вещи мои тоже сюда несли.

Сказать по правде, говоря насчёт хлеба, я нервничала: вдруг нет и не получится провести обряд для домового до конца? Однако Даринка этот момент никак не поправила, а ответила:

— Слушаюсь, барыня, — и отправилась выполнять поручения.

Я же, оставшись одна, поспешно достала из-под шали спрятанный мешок и развязала стягивавшую его горловину бечёвку. Не без волнения открыла, заглянула внутрь — пусто.

Хм.

— Наверное, так и должно быть, — пробормотала я.

На всякий случай потрясла мешок вверх тормашками и сунула в шкаф — потом разберусь, что с ним делать.

Теперь оставалось дождаться Даринку с ужином, спрятать под печь горбушку (я надеялась, что «голландка» для этого сгодится не хуже, чем обычная русская печка) и до темноты пройтись по дому и участку. Познакомиться с Агафьей, оценить степень трындеца, убедиться, что доставившие меня люди и лошади нашли кров и стол…

— Ну что, барыня, — усмехнулась я, машинально сжав спинку стула, на которую опиралась. — Барствуй, покуда граф не приехал. Потом, может, и не придётся больше никогда.

Глава 26

Накормили меня, может, не особенно изысканно, зато сытно. На полный желудок зверски захотелось спать, однако я себя пересилила. Достала из принесённого Лукой и Демьяном сундука связку ключей (Мелихов позаботился, чтобы я с самого начала чувствовала себя хозяйкой) и пристегнула её к поясу. Затем поправила перед зеркалом причёску, одёрнула платье и, решив, что всё равно тяну на «барыню» с большой натяжкой, вышла из комнаты.

Осеннее солнце неуклонно садилось — как раз завтра должно было быть равноденствие. Оттого в коридоре, освещённом единственным окошком в торце, стоял таинственный полумрак. Кончиками пальцев я коснулась отделанной деревянными панелями стены: а ведь крючки для ламп на ней имелись. Надо узнать, что нужно для того, чтобы организовать здесь нормальное освещение.

Сделав себе зарубку в памяти, я двинулась вперёд по коридору. Интереса ради подёргала ручки на двух встретившихся мне дверях: заперты. Наверное, на связке были ключи от них, но копаться и подбирать мне пока не хотелось. Потому я вскоре вышла в холл, закономерно ставший ещё более сумрачным. Подошла к уходившей на второй этаж широкой лестнице, положила руку на гладкие перила. Подняться? Нет, лучше сначала добыть какой-нибудь светильник — там ведь вообще все окна заколочены. А значит, прежде надо сходить на кухню.

Предполагая, что дворянские усадьбы строились по одинаковым принципам, и памятуя, где в Кабанихином доме была кухня, я почти без затруднений нашла её и здесь.

— Доброго вечерочка, барыня! — поклонилась Агафья и с любопытством на меня уставилась.

Лет я дала бы ей столько же, сколько Фёкле, но вот объёмами она до Кабанихиной кухарки пока недотягивала. Зато круглое лицо её лучилось таким же добродушием, и я решила, что отношения у нас сложатся.

— Доброго. Ты, — пришлось сделать над собой усилие, чтобы «тыкнуть», — Агафья, верно?

— Агась, барыня.

— Екатерина Васильевна, — представилась я (вдруг она ещё не в курсе?) и скользнула взглядом по кухне. Посуда чистая, паутины и сора не видно, запахи витают аппетитные — любо-дорого. — Скажи, тебе всего хватает? На ближайшее время.

— На ближайшее-то? — Кухарка замялась. — Да как сказать, барыня. Нам троим бы хватило — чай, разносолов не требуем. Мужиков, которые с вами приехали, тоже прокормить получится, к тому ж половина, сказали, уедут скоро… А вот вы, барыня… — Она потупилась. — Вы-то щи да кашу каждый день кушать не пожелаете.

— В качестве временной меры и щи с кашей поем, — заверила я. — Но ты всё равно подумай и скажи: что нужно по запасам и где это можно взять.

— Ну, — Агафья возвела глаза к потолку, словно там был написан список, — прежде всего, муки бы мешков пять, да хорошей, а не от Васьки-мельника. Он, зараза, мелом её подбеливает, хоть и говорит, что ни в жизнь. Потом свиных туш пяток — что закоптить, что засо-

лить. Сальце, опять же. Этих надо у Евлампия в Кривоборье брать — тот скотину на совесть кормит. Кур бы для курятника, а то с ними совсем беда — лиса повадилась таскать. Крупы бы ещё…

— Подожди, подожди! — Я поняла, что поторопилась, затронув эту тему. — В целом понятно, но раз список такой длинный, то давай к нему вернёмся завтра утром. Я всё запишу, а заодно посмотрим кладовые. Хорошо?

— Как скажете, барыня, — не без разочарования согласилась кухарка.

Похоже, она чуть ли не ждала, что все продукты будут заказаны вот-прям-щас.

«Извини, но интернет изобретут только через сто лет, — мысленно сказала я ей. — А интернет-доставки — ещё через сорок».

Вслух же резюмировала:

— Договорились. А теперь, — я оглянулась, ища на кухонных полках какое-нибудь средство освещения, — найди мне какую-нибудь лампу или фонарь. Хочу по дому пройтись.

— Э-э… — Агафья зачем-то бросила взгляд на окно, за которым уже заметно сгустились сумерки. — Дело ваше, барыня, только, может, оставили бы до завтрего?

— Почему? — удивилась я.

— Темнеет, — непонятно пояснила кухарка. — Ермолай скоро из сторожки придёт, двери запрём…

— Хорошо, тогда я сразу пройдусь по двору, а после уже по второму этажу, — скорректировала я намерение, и со щёк Агафьи сбежал румянец.

— Не надобно вам в темноте там ходить! — выпалила она. — Христом богом прошу, барыня!

— Почему? — повторила я вопрос, уже более раздражённо.

Что за стивенкинговщина, в самом деле?

Кухарка отвела взгляд.

— Так. Ненадобно.

Тьфу! Клещами из неё, что ли, тянуть?

— Фонарь мне дай, — жёстко велела я. — И скажи, где со мной приехавшие разместились.

— В людской, знамо дело. — Не осмеливаясь нарушить прямой приказ, Агафья сняла с полки масляный фонарь «летучую мышь» и лучинкой зажгла его от огня печки. — А кто-то, наверное, и на конюшне остался.

— Понятно. — Я взяла фонарь. — Хорошенько подумай до завтра над необходимым. И, кстати, Даринка где?

— На дворе должна быть. Как раз курятник запирает.

Я кивнула, давая понять, что услышала, и вышла из кухни. Покопалась в памяти: как в Кабанихином доме можно было во внутренний двор выйти? И, освещая путь фонарём, зашагала по коридору во вроде бы правильном направлении.

Глава 27

С Даринкой я почти столкнулась на крыльце чёрного хода — прислужница закончила дела в птичнике и возвращалась в дом.

— Ой, барыня, а вы куда это? — захлопала она ресницами. — Ночь ведь уже!

— Ещё светло, — возразила я. — К тому же у меня фонарь. А ты лучше не спеши, а покажи мне, что тут, во дворе, есть.

Прислужница замялась, на её рябом лице отразилось нешуточное беспокойство.

— Барыня, вы не серчайте, только завтра может? Утречком. А счас вы и не увидите ниче-гошеньки!

Да что у них здесь за боязнь темноты у всех?

— Даринка, в чём дело? — осведомилась я, напустив жёсткости в голос. — Почему вы все так боитесь ходить по усадьбе, когда темно?

Прислужница повинно опустила голову.

— Не серчайте, барыня. Не велено говорить.

Ага!

— Кем не велено?

Даринка шмыгнула носом и почти прошептала:

— Барином.

Мелиховым? Что за тайны опять?!

— Почему не велено?

— Барская воля. — Прислужница подняла на меня совершенно несчастные глаза. — Барин, когда был тута, так и сказал: чтоб мы глупостями вас не пугали.

О, бли-и-ин! Так это какое-то здешнее суеверие? Мелихов отнёсся к нему, как к чуши, ляпнул про «непугание», а местные всё настолько всерьёз восприняли?

И ведь из них теперь фиг что вытянешь: барыня, ясен пень, куда меньший авторитет, чем барин.

«Ладно, чёрт с вами», — подумала я сердито, и вдруг меня осенило: приехавшие со мной прислужники! Им-то наверняка рассказали про здешние «ужасы», а значит, они могут всё пересказать мне.

— Ладно, ступай, — заметно спокойнее отпустила я переминавшуюся с ноги на ногу Даринку. — Пока сама двор обойду, а завтра уже ты меня поводишь.

— Барыня… — начала было прислужница, однако я её оборвала ещё одним настойчивым «Ступай!».

Делать было нечего: заметно поникшая Даринка ушла в дом. А я отправилась в «круг почёта» вдоль хозяйственных построек.

В птичнике, естественно, уже все спали; лениво возившаяся в загоне свинья посмотрела на меня с недовольством королевишны и продолжила заниматься своими делами. Зато в конюшне мне повезло: я встретила Демьяна, перед сном проверявшего, всё ли в порядке с лошадьми.

— Неплохо устроились, — успокоил он в ответ на мой вопрос. — Вы, барышня, за нас вообще не тревожьтесь. Крыша над головой есть, миска щей да краюха хлеба найдутся — значит, проживём.

— А в обратный путь когда? — Мне вдруг остро захотелось попросить его остаться подольше.

Всё-таки знакомое лицо, да и к Кате он хорошо относился — вон, из пруда её спас.

— Да пожалуй, после завтрего, — отозвался прислужник и с толикой виноватости добавил: — Нельзя нам сильно задерживаться — барыня строго наказывала вертаться сразу.

— Понятно. — Я почти сумела прогнать из голоса тоску. И, отвлекаясь, сменила тему: — Демьян, а вам рассказали, почему здесь нельзя гулять после наступления темноты?

Прислужник кашлянул. Сдвинул шапку на затылок, отвёл глаза.

— Да глупости, барышня. Бабьи сказки. Кому-то чего-то приблазнилось, вот и пугают теперь себя и других.

— А что именно приблазнилось? — Я хотела всё выяснить до конца. — Говори, я не из пугливых.

Демьян хмыкнул, однако тут же постарался замаскировать непочтительный звук кашлем. Потрепал с любопытством слушавшую нас каурую по умной морде и предложил:

— Давайте на двор выйдем, барышня.

— Давай. — Я не понимала, зачем, но какая разница? Главное, чтобы рассказал.

Закат уже почти догорел, и над тёмной крышей усадьбы загорались звёзды. Демьян машинально достал из кармана трубку, но, вспомнив, что при барах курить не приветствуется, просто оставил её в руке.

— Имение это, как я уразумел, — начал он, — прежде принадлежало какой-то тётке ихнего сиятельства. Тоже графине, вроде. Только скупая она была, будто процентщица, а не графиня. Вы думаете, почему челяди тут всего три человека? Да потому, что как вольную

дали, так не пожелала она людям платить. Всех разогнала, кроме кухарки, сенной девки да старика-привратника.

— И не побоялась? — уточнила я. — А если воры или разбойники?

Демьян развёл руками.

— На то забор высокий да замки крепкие. Окна тоже при ней заколотили — она на старости лет сильно свет невзлюбила.

Прямо «графиня Дракула»!

Я шутила, однако холодок по спине всё же пробежал.

— В общем, прибрал её Бог, — продолжил Демьян. — Похоронили, всё чин чином. Да только на девятую ночь как что-то застучало, загремело наверху! Тутошние, понятно, перепугались — до рассвета свечи жгли да молитвы читали. Три ночи гремело — уже попа звать собрались, да замолчало вдруг. Только здешние всё равно стараются, как стемнеет, дальше людской не ходить. «Хоть дом гори, — говорят, — а не пойдём. Страшно барыню разгневать».

За-ши-бись. Так мне достался дом с привидением?

— Я ж говорю, глупости это, — глядя на моё вытянувшееся лицо, повторил Демьян. — Напугали друг дружку, вот и трусятся теперь. Сорок дней ещё эти…

Прислужник замолчал, однако я уже насторожилась.

— Сорок дней?

— Ну… — Демьян категорически смотрел куда-то в сторону. — Придумал кто-то, будто на сорок дней в усадьбе клад откроется — все те деньги, что графиня всю жизнь копила да не тратила. Только условие выполнить надо: должна к тому времени в дом новая хозяйка вступить.

Новая хозяйка? Я, что ли?

Глава 28

«Если Мелихов так спешил жениться из-за этого бреда, я в нём резко разочаруюсь».

— А когда эти сорок дней-то?

— Да вроде на воздвижение креста Господня. — Демьян благочестиво перекрестился и попытался успокоить: — Вы, барышня, об этих бабьих россказнях зазря не тревожьтесь. Скучно им тут, в медвежьем углу без особого дела сидеть, вот и выдумывают всякое. А как надо будет работать от зари до зари да усадьбу в порядке содержать, так сразу блазниться перестанет.

Может, и так, конечно. Всё-таки просвещённый двадцать первый… тьфу, девятнадцатый век, а не времена царя Гороха. Вот только моё знакомство с домовым напрочь портило всю материалистическую картину мира.

— Хорошо, Демьян. Спасибо, что рассказал. — Я посмотрела на тёмные сараи, на тусклый, но заметный ковш Медведицы над ними, немного подумала и решила: нет, сегодня знакомиться с территорией уже не буду. И потому продолжила: — Идём в дом, пожалуй. Пока его не заперли, а нас на улице ночевать не оставили.

— Пусть бы попробовали! — многообещающе погрозил прислужник, и мы вернулись в усадьбу.

После всего услышанного (как бы я ни бодрилась) тёмные коридоры со скрипящими половицами производили гнетущее впечатление. И я вновь переиграла изначальное намерение хотя бы в общих чертах исследовать дом. Хотела увязаться за Демьяном в людскую, но тоже засомневалась: люди устали, отдыхать собираются, и тут я ввалюсь. Нехорошо. Потому в итоге попросила прислужника проводить меня до моей комнаты (так, на всякий случай), а после позвать Даринку. Не только затем, чтобы помочь мне переодеться, — я вспомнила один вопрос, который за всей суетой позабыла уточнить.

— Черногорцев? — повторила прислужница, ловко расстёгивая крючки на моём платье. — А-а, тот, которого Ермолай уже трижды гонял! Он городской, из Задонска вроде. Не из благородий, а так.

— Так?

— Купец, уж не знаю, богатый или нет. Он ещё к старой барыне приезжал, так она с ним и пяти минуточек не поговорила, как криком прогнала. А после велела: ежели ещё явится — собак на него спустить.

Ничего себе! Чем же этот Черногорцев старухе не угодил?

Последний вопрос я повторила вслух, разумеется, заменив «старуху» на «барыню».

— Того не ведаю, — развела руками Даринка. — Только с тех пор он всё никак нас в покое не оставит. Как барыня померла, так ездит да ездит.

Она помогла мне снять платье и повесила его в шкаф.

— И чего хочет? — поинтересовалась я, ныряя в ночную сорочку фасона «хламида до пят».

— Просит в дом пустить. Да только барин, как узнал, так сразу приказ барыни подтвердил: гнать поганой метлой.

Хм.

— Ясно. — Подробности, значит, надо узнавать у Мелихова или у самого этого Черногорцева. — Даринка, завтра меня пораньше разбуди. Дел невпроворот.

— Как прикажете, барыня! — отозвалась прислужница.

Проверила печку и, пожелав доброй ночи, вышла из комнаты.

Стихающая дробь торопливых шагов за дверью, и я осталась одна. Конечно, в комнате горели свечи, а в «голландке» уютно потрескивали дрова, но всё равно мне стало как-то не по себе.

«Дверь, что ли, запереть? Ага, а как утром Даринка войдёт?»

Я вздохнула, отказываясь от трусливой идеи. Собралась, было, лечь, но вспомнила об угощении для домового.

Интересно, он его съел?

Я с любопытством заглянула под печку: съедено и выпито. Только пустое блюдце стоит сиротливо.

«Завтра вечером надо не забыть про молоко и хлеб».

Я поднялась с пола и вдруг подумала: а не позвать ли мне «суседку»? Узнать, как у него вечер прошёл, как его принял здешний усадебник.

С этими соображениями я открыла рот… И закрыла, поскольку имени домового не знала (да и было ли оно у него вообще?), а как иначе позвать с ходу не придумала.

— Эй. — Я кашлянула и уже громче повторила: — Эй! Суседко! Ты меня слышишь?

Не очень-то рассчитывала на ответ, но неожиданно его получила.

— Слышу, слышу, — проворчали совсем рядом, и у печки возник домовой.

Уже не чёрное мохнатое нечто, а вполне себе «дедок с локоток» в крестьянских штанах, лаптях и неподпоясанной рубахе. Волосы и борода у него, правда, были длинные и неопрятно торчавшие во все стороны, а глаза поблёскивали зеленью, однако такой вид в любом случае больше соответствовал моему дилетантскому представлению о домовых.

— Ого, как ты изменился! — вырвалось у меня, и домовой важно кивнул:

— Ну так. Я ж теперь с людьми живу, как нам, доможилам, положено.

— Так тебя усадебник принял! — обрадовалась я, в принципе, очевидному.

Однако домовой неожиданно ответил:

— Не-а. Нету тут усадебника, потому и принимать некому.

######

Друзья! Приглашаю вас в свою новинку в жанре "магическая академия"!

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ ГОСПОДИНА РЕКТОРА https://litnet.com/shrt/WIpr

Призналась в чувствах, но услышала, что недостойна его! Ещё бы, он студент престижной драконьей академии, а меня воспитывали быть украшением дома.

Но я докажу ему и всем, кто считает меня красивой пустышкой, что способна на многое! Поступлю в академию, стану лучшей и найду своё счастье.

И никакой ректор мне в этом не помешает!

Глава 29

— А куда он делся? — изумилась я. — Или его не было никогда?

— Был. — Складывалось впечатление, что домовой не сильно хочет об этом распространяться. — Да помер.

Как помер? В усадьбе же остались люди, Мелихов, опять же, приезжал. С чего усадебнику умирать?

— Не ведаю, — так же коротко ответил домовой, когда я задала вопрос вслух. — А овинник с банником да дворовым делиться не хотят. Ну ничего, хотя бы меня за старшого приняли, и то хлеб-соль.

— Так ты теперь главный тут, — протянула я. — Поздравляю!

— Рано ещё поздравлять. — Настроение у домового портилось на глазах. — Дел — край непочатый: запустили усадьбу, ох, запустили!

— Постепенно приведём в порядок, — попыталась успокоить я. — Ты мне лучше расскажи, что здесь стучало и гремело, отчего прислужники так напугались.

— А, это. — Домовой махнул рукой. — То усадебника хоронили.

— Три дня?

Собеседник наградил меня говорящим взглядом: ничего-то ты, Катерина, не знаешь. И снисходительно пояснил:

— Сколько по чину положено, столько и хоронили.

— Понятно. Значит, — сделала я закономерный вывод, — ночью по дому ходить можно? Никто на меня не выскочит?

— Я ему выскочу! — погрозил домовой. — У меня не забалуешь!

И хотя звучало это обнадёживающе, я всё равно занервничала.

Получается, какая-то нечисть здесь всё же обитает? И она опасная?

Естественно, я не постеснялась спросить, и домовой неохотно признался:

— Не разобрался пока. Оно, вишь! Тутошние помалкивают, самому всё разузнавать надо.

— А почему помалкивают? Боятся? — Кто вообще может напугать домовых?

— Шут их знает, — вздохнул «суседко» и как-то резко засобирался: — Ладно, ты спать ложись, да волосы не забудь заплести! Не дело это: девке простоволосой ходить. А завтра с петухами подниму — у меня лениться не выйдет, так и знай.

«Ишь, командир!» — недовольно подумала я и прохладно заметила:

— Если ты забыл, это я тебя от смерти спасла и привезла в новый дом. Мы — команда, и нечего из себя начальника строить.

Домовой надулся, однако после короткого молчания признал:

— Ладно, Катерина, не серчай. Команда так команда. Но волосы всё равно заплети!

— Заплету, — отмахнулась я и поспешила добавить: — Но ты погоди, не исчезай. Давай договоримся, как мне тебя звать. Не суседко же.

— Хозяином можешь, — милостиво разрешил домовой. Встретил мой говорящий взгляд и пошёл на попятный: — Ладно, по имени ещё. У меня на такой случай имя придумано.

— Да? Какое? — Мне в голову приходили только банальные «Кузя» и «Нафаня».

Домовой приосанился, выпятил грудь.

— Аристархом можешь звать.

Кхе.

— Хорошее имя, солидное, — пояснил домовой, по моему лицу прочитав реакцию. — Мне подходит.

Это уж точно.

— Ладно, Аристарх так Аристарх. — Я вдруг подавила зевок. — Тогда спокойной ночи, Аристарх.

— И тебе, Катерина, — отозвался домовой и исчез. Впрочем, из пустоты тут же раздалось последнее напутствие: — С петухами разбужу! — и только затем я шестым чувством поняла, что осталась одна.

Пробормотала:

— Какие у них тут будильники, однако, — принялась заплетать волосы в косу.

***

Я волновалась, что опять не засну, как прошлой ночью на хуторе, но вырубилась, едва голова коснулась подушки.

Однако меньше всего ожидала, что внезапно проснусь посреди ночи оттого… Кстати, отчего?

Я лежала, с головой закутавшись в одеяло, и вслушивалась в тишину спящего дома. Свечи я задула перед сном, дрова в печке догорели, и потому в комнате стояла «тьма египетская», как любила выражаться бабушка.

И в этой тьме вдруг отчётливо раздалось: тук. Тук. Тук. Затем быстрее: тук-тук-тук. Недолгая тишина и снова равномерное: тук. Тук.

«Аристарх чудит, что ли?» — попыталась я себя успокоить.

Но зачем домовому стучать?

«Надо зажечь свет».

Надо, но страшно. Это же из-под одеяла вылезти нужно, а всем известно: под одеялом до тебя никакие монстры не доберутся.

«Да блин, тебе же не десять лет! И свеча со спичками — на прикроватном столике!»

Тук. Тук. Тук-тук-тук.

— Чтоб ты обстучался! — шёпотом ругнулась я и, собрав смелость в кулак, откинула одеяло. На ощупь нашла коробок, чиркнула спичкой и зажгла свечу. Робкий огонёк осветил кровать и часть комнаты, заставив тени отступить в углы и спрятаться под мебель.

Тук. Тук.

«Это наверху, что ли?»

Я закусила губу: и что делать? Прислужники в другом конце дома, добираться до них страшно. Молитв я, как выяснилось, ни одной не знаю. Так что, просто сидеть и трястись до утра?

«А вот фиг вам!» — с неожиданным приливом злости подумала я и сердитым шёпотом позвала:

— Аристарх! Аристарх, это ты стучишь?

Глава 30

— Вот не спится ей!

Домовой возник ровно на том месте, где исчез вечером, и ворчливо продолжил:

— Отвлекает да отвлекает! Ну, чего тебе опять?

И тут ответом на его вопрос сверху раздалось: тук-тук-тук.

— Это не ты, — уже утвердительно произнесла я. — А кто?

— Кто?

Прищурив один глаз, Аристарх задрал голову к потолку. Затем снова посмотрел на меня, и от того, что я прочла в его взгляде, по спине промаршировал взвод мурашек.

— Счас разберусь, кто, — угрожающе сообщил домовой. — Ух, задам же ему!

— Стой! — быстро выпалила я, понимая, что он сейчас опят исчезнет. — Я тоже хочу знать! Я с тобой!

Торопливо спустила ноги с кровати, зашарила в поисках домашних туфель.

— Ох, Катерина! — Аристарх возвёл очи горе. — Сидела бы уж здесь.

Однако туфельки вдруг сами собой оказались у меня на ногах, а на плечи легла Катина самовязанная шаль.

— Свечку не бери, — сказал домовой. — Спугнёшь ещё.

— А как же я всё видеть буду? — растерялась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.